

СЕРГЕЙ ВИШНЕВСКИЙ

боевик фэнтези

ЛЕСТ - СЕРЕБРУШКА

Наместный маг

Сергей Вишневский

Пест-серебрушка

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Вишневский С. В.

Пест-серебрушка / С. В. Вишневский — «Автор»,
2016 — (Наместный маг)

ISBN 978-5-17-100729-4

Маг огня, который остановился на постой в селе, обнаруживает дар к магии у обычного, босоногого мальчишки Песта. Все село, во главе с местной ведьмой, посовещавшись, решило отправить его обучаться магии. Но кто же будет сопровождать юного Песта на долгом пути да и в городе, где на каждом шагу поджидают опасности и соблазны? Кого может призвать в хранители ведьма? Конечно, черт! Так что Песту сам черт не брат, он — и охранник, и средство передвижения; когда надо, подскажет или под руку толкнет... Как выбрать стихию, если владеешь одинаково хорошо всеми, но при этом не можешь одолеть своего бешеного наставника из Академии магии? И тут поможет хранитель — вспомни о полустихиях и уйди в Тень!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100729-4

© Вишневский С. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Спустя три дня. В том же доме	9
Спустя несколько месяцев	11
Тем же вечером в доме старосты	13
Спустя несколько месяцев	16
Спустя несколько месяцев	17
Спустя пару дней	19
Еще несколько лет спустя	21
Спустя несколько лет	22
Спустя несколько часов в доме кожевника села Дорожичей	37
Родной дом Песта. Во время обеда	39
Спустя несколько дней. Дом старосты	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Викторович Вишневский

Пест-серебрушка

* * *

– Не они? – спросил мужик в кожаном нагруднике. Седина, пробивающаяся в волосах, выдавала немолодой возраст, но лицо было довольно свежо. Нос с горбинкой и широкие скулы, украшенные справа шрамом, придавали лицу достаточно суровый вид.

– Не похоже, – ответил молодой парень с русыми волосами. – Тех было с полтора десятка. И одеты те были, словно бродяги в доспехах. А эти вона как разоделись. И не хоронятся.

– Схоронись и носу не кажи! Ежели что случится со мной, людей в схрон на болото веди. Понял? – Собеседник закивал головой, подтверждая, что понял. – Ты, Проныко, коды уляжется все, тогда и пойдешь, а пока сиди ниже травы и, чаво бы не было, не лезь!

С этими словами немолодой мужик подхватил щепотку земли и посыпал голову.

– Единый не выдаст, вурдалак не съест, – произнес он, встав и пойдя к дороге, которая находилась в нескольких десятках метров. По этой дороге к нему приближались двое путников. Один был в сером плаще, дорогих льняных штанах, с бордовой вставкой, и камзоле, а второй был укутан в ярко-красный плащ.

– Чего вырядились-то, как на смотрины? – бормотал мужик сам себе под нос. – И нет вроде с ними никого… Плащ красный… плащ…

В руках он сжимал дрекво, на которое было надето широкое лезвие. По мере приближения двух путников, ему все лучше удавалось разглядеть их, и то, что предстало перед его взором, заставило его мысли пуститься в пляс.

– Не плащ это! Это мантися! – еле слышно прошептал он. Абсолютно лысый человек в красной мантии рукой остановил спутника в пятидесяти метрах от него и поднял кулак, который вспыхнул огнем, словно свежий факел. У мужика округлились глаза и выступили капельки пота на лбу.

– Ничей-то! И не такое видали! – сам себя подбадривал мужик. Вторая рука человека в красной мантии так же вспыхнула, и он направил их на мужика.

– Ох ты ж, старый пень! – воскликнул мужик, вспомнив про копье у себя в руке. Он перевернул его лезвием вниз и воткнул, а затем протянул в сторону человека руки, ладонями вперед. Пламя на руках мага тут же погасло, и он вместе со спутником начал приближаться.

Когда маг и еще один человек подошли на расстояние двух вытянутых рук, первым заговорил спутник мага.

– Можем ли мы узнать причину, по которой вы преградили нам путь?

– Я старшой в деревне. Хочу знать, кто к нам идет.

– Многоуважаемый маг Чик'Хлост следует в направлении королевства Киприс. Мы держим путь из столицы нашего королевства Гвинеи. Путь далекий, и нам хотелось бы отдохнуть и пополнить припасы. На нас было совершено нападение, и мы хотели передохнуть пару дней в вашей деревне, чтобы уважаемый господин Чик'Хлост мог восстановить свои силы.

– Так это вы лихой люд у торгового тракта побили?

– Эм-м… да. Скорее всего это мы. Мы можем заплатить за постой и еду, если вы приступите нас на некоторое время.

– Коли маг он взаправду, а не фокусник какой, то никакой знак свой кажет, – решил подстраховаться староста. Человек в сером плаще что-то шепнул второму, и тот, не говоря ни слова в ответ, тут же вспыхнул как свечка. Около минуты он горел, после чего пламя угасло. Человек и даже одежда остались невредимы.

– Ну, коль путник о помощи просит, то грех отказывать. А далеко ль лихие люди лежат? – с легким прищуром спросил староста деревни.

– По этой дороге часа за три дойдете, если не сворачивать. Часть тел на дороге лежит. На трофеи не претендуем.

– Ну, коль не претендуете, тоды мы себе возьмём. Мы люд не гордый, да и чего добру пропадать? В хозяйстве все сгодится! – Мужик повернулся к лесу и оглушительно свистнул. – Пронько! Ходь сюды! А вы, гости дорогие, ступайте по дороге, да не бойтесь ничего. Через час пути на наше село выйдете.

Из кустов вылез молодой парень и трусцой подбежал к старосте.

– Пронько, ты со всех ног дуй в деревню. Скажи, что маг с толмачом на постой к нам идут. И собери молодых пять голов и детворы с пяток, тех, что поглазастее. Вы к месту, где лихой люд положили, пойдете. С собой лопаты возьмете и мирскую трубку. Каждого будете ей проверять. Ежели трубка знак о магии даст, даже пальцем не трожьте. С тех, что без магии и амулетов, все до исподнего снимете, а сами трупы в лесу закопаете. Все, что снимете, к Маркаилу в оружейную снесёте. А мальцов по кустам пустишь. Нихай стрелы и оружие ищут. Все понял?

– Дядько Имул! Так кто ж мне трубку мирскую даст? Без старших не велено ее из села выносить!

– Скажешь, что я велел! Не дай единый, на клинок с ворожбой набредете! – Мужик отвесил подзатыльника молодому парню, на вид лет шестнадцати. – И так после зимы мужиков в селе хрен да маленько! Чего встал? Бягом в село!

После того как Пронько скрылся в кустах, отправившись в деревню коротким путем, мужик стал догонять путников.

Деревня гудела, как потревоженный улей. Вся детвора селения облепила ограду дома старосты и с гомоном ждала появления мага. Не все успели его увидеть и теперь лелеяли надежду, что он выйдет. Многие не то что мага, даже торжища не видели. Поэтому все упорно ждали такого события.

– Чего гомоните, аки сороки? – возмутилась женщина, несущая корзину с глиняной посудой. – А ну цыц! Пест! Иди сюда!

К женщине подбежал мальчишка лет семи на вид. Одет он был в серую холщовую рубаху и подпоясан бечёвкой. Ноги были босые. На голове русые космы, а глаза разного цвета. Правый был карим, а левый – зеленым. Телосложение довольно крупное. Паренек, хоть и не был высок, но довольно широк в плечах.

– Держи корзинку. – Женщина вручила мальчишке корзину и подтолкнула его к дому старосты. – В доме не болтай! Корзину поставишь куда велено, и у входа встанешь со мной. Ежели накажут чего – без вопросов делай!

– Мама, а там правда маг настоящий? – Мальчишка лучился счастьем от того, что он увидит настоящего мага.

– Цыц! Велено тебе! Не болтай и род не позорь! Ежели сделаешь как велено – я отца попрошу, чтобы лапти тебя делать научил!

Лицо мальчика сразу стало серьёзным и сосредоточенным.

Они вместе зашли в дом, в котором светились несколько масляных ламп, что по меркам селения было крайне расточительно. От того, что масло в лампах было кедровым, в доме с маленькими окнами стоял специфический запах.

– Уважаемый Чик’Хлост хочет расплатиться за постой. Мы планируем остановиться у вас на четыре дня. – Мужчина в зеленом камзоле обращался к старосте. Маг в красной мантии выложил две золотые монеты.

Увидев золотые монеты с государственной чеканкой Гвинеи, староста сразу же посерел, словно испугался, но, быстро взяв себя в руки, бросил сидящим рядом за столом мужикам:

– Окна прикрой! – Он достал из-за пояса шапку и положил на монеты. Его взгляд упал на вошедшую женщину и мальца. Он нахмурился, но ничего не сказал.

– Уважаемый маг, поди, не знает, что за такую деньги все наше селение может лихой люд вырезать, – хмуро продолжил староста, глядя в глаза магу. – Не дай бог, слух в округе пойдет, что в нашем селе золото государевой чеканки видели. Вы, уважаемый, растолкуйте ему это. А денег мы не возьмем, ежели сей маг нам услугу окажет.

Переводчик что-то начал говорить магу, а тот хмурясь уставился на мальчишку, что стоял с корзиной у дверей. Под взглядом мага он поежился и мельком взглянул в ответ. После мальчишка уставился в пол и взгляда не поднимал. Маг что-то начал отвечать переводчику, а сам продолжал разглядывать мальчишку.

– Господин маг согласен на ваши условия и понимает всю пагубность, с которой золото влияет на люд с низкими моральными устоями. – Переводчик уставился на хмурящегося старосту и быстро продолжил: – Услугу он окажет, но только ежели это не отнимет много сил.

– Добро! – Кивнул староста, соглашаясь. Он дал знак женщине, и та подтолкнула мальца к столу. Тот неуверенно подошел и протянул корзину старосте. – Коли уговор сошелся, то тянуть дальше нечего.

Староста начал выставлять глиняные кувшины на стол. Открыв первый, он начал его разливать. По комнате разошелся запах меда, в котором угадывались оттенки алкоголя. Маг в это время, сунув руку в мантию, извлек маленький и ярко-красный шарик размером с горошину. Он покрутил его в руках и сильно на него дунул. Шарик сменил окрас на белый цвет.

Пест глядел на его манипуляции широко раскрытыми глазами. Первый раз перед ним был маг, да и еще что-то колдующий. Староста, увидав действия мага, напрягся, а сам маг что-то принял говорить переводчику.

– Уважаемый маг говорит, что у этого мальчика есть дар. – Староста от этих слов поперхнулся медовухой и долго кашлял, пока переводчик продолжал говорить. – Дар небольшой и не относящийся к стихии. Этот шарик поможет ему развить дар. Когда он сможет его сдвинуть с места, мальчика могут принять в Академию магии и волшебства в Вивеке. Если он будет стараться, то и в столичную сможет поступить, но цены на обучение там очень высокие.

После слов переводчика в доме воцарилась тишина. Только с улицы доносился гомон детворы. Мальчишка как окаменелый смотрел на белый шарик, который парил над ладонью мага, которую он протянул мальчишке.

– Что он хочет за этот камешек? – прервал тишину староста.

– Уважаемый Чик'Хлост говорит, что не возьмет платы за сей артефакт, но он выставляет условия. Первое – это клятва, что по приеме в академию он назовет имя нашедшего в нем дар. Второе условие – это клятва, что если будучи магом он найдет ребенка с зачатками дара к магии, то отдаст ему сей артефакт.

– По правде маг хочет! – удивленно проговорил рыжий мужик справа от старости.

– По правде! – отозвался мужик слева.

– Зело по правде! – поддержали остальные мужики.

– Передай, что согласны мы.

Переводчик начал что-то говорить магу, а староста кивнул мальцу, который оторвал взгляд от шарика и уставился на старосту. Малец протянул руку и взял теплый шарик, тут же засунув его за щеку. Повинуясь кивку старосты, он вернулся на свое место у дверей.

– Уважаемый Чик'Хлост хотел бы узнать, какие услуги вам потребуются. Он маг огня и многое в магии земли или воздуха сделать не сможет.

– Чего голову на ночь думами забивать? Утро вечера мудренее. Завтра и расскажем и покажем...

Дверь предательски скрипнула, напугав мальчишку, стоящего рядом. В дом вошла старая сгорбленная старуха. Все мужики, завидев ее, поднялись на ноги и нестройно произнесли:

«Здравь будь, Акилур». Старуха кивнула мужикам и, повернувшись к магу, отвесила поклон, коснувшись пола одной рукой. Второй она держалась за старую, корявую палку. Не говоря ни слова, она подошла к столу и села с дальнего края.

– Это наша ведунья Акилур, – представил старуху староста. – Кроме нее никого нет в округе, кто врачевать умеет. Да и с духами только она ладит.

Маг недолго рассматривал ее, но после того, как старуха взглянула ему в глаза, произнес фразу на певучем наречии. Фразу никто не понял, но старуха, улыбнувшись беззубым ртом, ответила ему на том же наречии.

Непонимающий староста подозрительно глянул на старуху и на мага...

Спустя три дня. В том же доме

За столом в полутьме, при свете одного масляного светильника сидели восемь мужиков. Один из них был старостой, а остальные – главами родов. В углу, в тени, сидела старуха Акилура. В комнате велся неспешный разговор. Каждый высказывал свое мнение.

– Я вот как разумею, – начал рыжий мужик. Его лицо покрывала такая же рыжая борода, а на лбу красовался кривой шрам. – Ежели он магом будет, то ему учиться в городище надобно. А безграмотных тамо не держат. Я слышал, что маги все ученые. И писать, и считать умеют.

– Верно, Ясыл! Это я точно знаю, – поддержал староста рыжего мужика. – Читать и писать его Рунок научит.

При этом один из мужиков с одним глазом согласно кивнул.

– И вота еще что, – продолжил Ясыл. – В городище люд другой. Там и закон свой и люд по-другому живет. На торжище купчины часто жаловались, что в городище люд не по правде живет. Пест хоть и мал, но, когда подрастёт и туда поедет, нужно его уму-разуму учить, а то без портков домой вернется.

В доме наступила тишина. Все задумались о такой вроде и не большой, но проблеме.

– Пест один в городище не поедет. Надобно, чтобы сопровождал его кто-то из старших, – подвел итог этой проблеме староста.

– Сколько денег они за ученье Пестово возьмут? – задал вопрос русый худощавый мужик. – Не верю, что за добро слово в городище люд Песта учить будет!

– Выкупил я то слово с мага. Два кувшина медовой отдал.

Все мужики выжидательно уставились на старосту.

– Сорок золотых монет государевой чеканки. Харчи и постой в городище, пока учиться будет, за свой счет.

От озвученной цены мужики сразу сникли. Для села эта сумма была неподъёмной. Столько монет никто в селе никогда не видал.

– Я вот, что удумал, – помолчав, начал староста, – ежели мы пояса затянем, да все скопом возьмёмся, то за семь урожаев мы десять золотых соберем. Самим нам такую деньжищу в сорок монет не собрать. Я предлагаю по соседям клич послать. К Дорожичам, Лесничим и Куприянам. Ежели согласятся они, то получится.

– Ты, старшой, думаю хорошую думаешь, но как мы деньги отдавать будем? – чернявый мужик с огромными руками-кувалдами хмуро спросил у старосты.

– Коды Пест выучится, то к нам вернется. А соседям слово дадим, что за дело его для них платы брать не будем. Все, кто пришли за делом приходить будут, – с тех возьмем.

Из темного угла послышался каркающий смех старухи.

– Ох и горазды вы, мужичье, шкуру живого медведя делить! – Старуха подалась вперед, явив свое сморщенное лицо под свет лампы. – Слушай меня, старшой, и вы, главы родовы, слушайте. Сейчас будет шестая зима Песта. Ежели он до следующей зимы камень ипритовый не сдвинет, то грош его дару цена! Не возьмут его туда! Ежели сдвинет, то вот! Все, что есть, отдам, но только после того, как он клятву даром своим произнесет, что сюда вернется и наместным магом здешним будет.

С этими словами старуха высыпала из старого куска холщовой ткани двадцать семь золотых монет.

– Ох! Акилура! Откуда деньги такие? – Всплеснул руками староста.

– А ты думаешь я в городище Ультака просто так ездила? Это плата за восемь дел, что там сделала. Ультак, хоть и норовит с нас, свободных селений, налог брать, но за дело платит исправно. А с меня что взять? Кто старуху скрюченную грабить будет? Но не о том речь. Пока Пест не сдвинет камень – нечего огород городить. А как сдвинет, так и будем думу думать. Он,

может, год будет учиться двигать его, а может, и все пять. А пока нечего в ночь масло жечь да языками болтать. Если бы да кабы!..

Пест вышагивал через все селение в новеньких лаптях. Это первые лапти, на которые отец дал добро. Без его добра, которое обозначало, что лапти Пест делать научился, он не смел появляться на людях в своих поделках. Сейчас же он шел выпрямившись, расправив плечи и высоко задрав нос. Повод для гордости был. Во всем селении не было никого в лаптях младше десяти лет. Кроме Песта. Для мальчишек, которым запрещалось носить лапти чужого изготовления, это была статусная вещь. Лапти отделяли совсем малышей от детей, которые уже что-то могут делать по хозяйству Пест направлялся к землянке Акилуры. Его к ней направил отец.

– Здраве будьте! – произнес детский голосок Песта, когда он вошел в землянку к старухе.

– И тебе не хворать! – прокаркала старуха. – Не стой в дверях. Проходи и за стол садись.

– Спасибо, баб Акилура! Мать кормит сытно, да и отче без еды не оставляет. Не голоден я. – Пест тем не менее сел за стол, как ему было велено.

– А не кормить я тебя собралась. Садись и камень, что маг тебе подарил, достань.

Мальчишка достал из-за щеки камешек и посмотрел на старуху.

– Делал, как тебе маг велел?

– Не вразумею я, баба Акилура. Как так делать? Камень сдвинуть, а руками аль другим чем его не трогать.

– Сам-то помнишь, как камешек в руке у мага летал? Вот так и надо сделать. Ты руки рядом с камнем положи. А теперь словно наяву представь, что с ладоней словно нити идут к камню. А по нитям часть тебя к нему течет.

Мальчишка сидел с ничего не понимающим взглядом и пялился на камень.

– Ты глаза прикрой. Глаза в ворожбе часто обманывают. Вот. Так сиди и представляй.

Пест так и сидел, стараясь представить то, что сказала ему старуха. А та в это время наклонилась над самыми ладонями мальчика и шумно втянула носом воздух.

– Не соврал огнепоклонник! – произнесла старуха, причмокивая языком, словно распроверяя что-то на вкус. – Тянет магией! Сырой магией!.. Ох и тянет... не соврал огнепоклонник... Ты, Пестушка, как слабость почувствуешь да в сон поклонет, прекращай. После такого тебе есть захочется так, что живот сводить будет. Чтобы не в обиду сестрам с братьями было, ты перед завтраком да ужином с камнем представляй. И от наказа отцовского да материного не увиливай. Каждый раз себя бороть надо.

– Баба Акилура, а я правда магом стать смогу? – спросил Пест. В его глазах, устремленных на старуху, было столько надежды, что она невольно усмехнулась этим разноцветным глубоким озерам глаз.

– Ежели лениться не будешь и каждый день себя бороть будешь. А пока из тебя человека по правде вырастить надо. Ты в большое каменное городище поедешь, а там люд гнилой. По правде жить не умеет, все желают на печи лежать да калачи жевать... – Старуха углубилась в свои воспоминания на несколько секунд, но, прия в себя, спохватилась. – Чего расселся? Марш к отцу! Посев скоро, а плуг не готов, кобыла не кормлена...

Пест с улыбкой до ушей рванул на выход так, что одни пятки сверкали.

Спустя несколько месяцев

– Дядько Лык, а сеть мы когда вязать будем? – спросил Пест, почесав русые космы.

– Когда морду из лозы вязать научишься! Сети с нитки льняной вязать сложнее, да и вязка там нужна ровная. А ты на морду свою посмотри! Акилуря ровнее твоей морды будет! – Мужик с сединой сморщился, глядя на творение Песта. – Эта хоть не разваливается, как предыдущая.

– Дядько Лык, а почему мы морды такие маленькие делаем? Ежели рыба будет большая, то она в такую морду не влезет!

– Эх! Дурак ты, Пест! Помнишь, как прошлой осенью староста с тремя мужиками сома оглоблей с горем пополам забили?

– Так, а кто ж не помнит! Тама вот такая морда была! – Мальчишка развел руками, показывая размеры морды сома. – Три дня всем селом ели!

– Ну, а как он руку поломал Архипу, помнишь? Во-о-от! Ты головушкой-то подумай. Ежели рыба будет большая, тоды она морду порвет и уйдет. Если правильно вязать, то может, и не порвет, но попортит знатно! А теперь представь, что каждый раз после рыбины морду править или вообще переделывать нужно. Представил? – Пест понуро кивнул. – То-то же! Этую морду можешь распускать. Никуда не годная. Как распустишь – новую начинай.

– Лык, обед на столе! – произнесла вышедшая из дома женщина. Она была довольно молодая. Стойная фигура и длинные, сплетённые в косу волосы, с родовым знаком рыбака селения, давали понять, что это его супруга.

– Положи морду. Пойдем отобедаем, чем единый послал.

– Дядько Лык, мне баба Акилуря заниматься наказала. Я немножко позанимаюсь и приду сразу.

– Ну смотри! В большой семье сам знаешь… – Мужик направился в глубь дома, а Пест достал из-за щеки камень с горошину и положил его на полено. Сам он уселся рядом и подготовился делать упражнение, которое показала ведунья Акилуря. Положив на полено ладони, он закрыл глаза и постарался представить себе, как часть него течет в горошину через руки. Несколько минут спустя его лоб покрылся испариной, а руки мелко задрожали. Горошина в это время парила над поленом в нескольких сантиметрах. Шумно выдохнув, он открыл глаза, а камешек упал на полено и скатился с него. Увидев горошину на земле, а не на полене, Пест забормотал себе под нос.

– Получилось?.. Получилось!..

– Чего получилось? – спросил Песта Лык. Он стоял на крыльце и задумчиво наблюдал за действиями Песта.

– Дядько Лык! Ты видел? Летал камешек?

– Нет, Пест. Лежал на месте как приклеенный.

– Даже не шелохнулся?

– Нет. Только когда ветер задул. Скатился он с полена да на землю упал.

– А я уж обрадовался…

– Ничего, Пест. Маг говорил, что это дело не быстро. Тут трудиться надо. – От живота Песта послышался требовательный возглас. – В дом иди. Поешь.

Пест, горестно вздохнув, поплелся в дом, а Лык, дождавшись, когда мальчишка войдет в дом, позвал супругу.

– К старосте сходи. Скажи – Пест готов. Надо родовы головы собирать.

Глаза супруги округлились, и, кивнув, она быстрым шагом направилась к дому старосты, а Лык, вздохнув, обронил:

– Не было печали…

Потом вздохнул и зашел в дом. Войдя в дом, он обнаружил Песта спящим за столом. Перед ним стояла вылизанная до блеска тарелка. Подхватив на руки мальчонку, он уложил его на лавку у печи.

Тем же вечером в доме старосты

– Сначала твое слово, Акилура. Тебе в ворожбе виднее, а значит, и за Песта тебе слово держать. – Староста взглянул в темный угол дома. Там по обыкновению сидела старуха Акилура.

– Теперь и думу можно думать, – прокаркала из угла старуха. – Дар у него есть, и растет он хорошо. Не думала я, что так быстро подрастет, но магия у него сырья.

В доме повисла тишина. Нагнувшись и показав лицо, Акилура обвела взглядом непонимающие лица мужиков.

– Не вразумеете? Значит это, что не склонен он ни к одной магии. И огнем он повелевать сможет, и водою. Землю переворачивать и ветрам наказывать сможет. И свет его слушать будет, и тьма.

– Это что ж получается? Он и лечить сможет, и клинки с ворожбой делать? – с удивлением спросил рыжий мужик.

– Не можно и клинок хороший сделать, и дело им делать, аки гвардеец государев. Каждый свое дело знать должен, ежели хочет делать дело хорошо. – Староста взглянул на Акилуру. Та усмехнулась и с прищуром произнесла:

– Дело правое ты говоришь, но не про ворожбу твое слово. Основы везде одинаковы. Ежели он водой повелевать начнет, то воздухом ему легче будет. А как еще и огнем повелевать начнет, то за землей дело не встанет. Ты, старшой, вот о чём думай. У нас не один десяток колен в округе магов наместных не было. До городища Бивека на добром коне две недели ходу. Ежели он тут наместным магом станет, то кто ему помогать будет? Он все сам должен уметь. И врачевать, и люд лихой гонять, и урожай опосля града поднять, и с духами договариваться. Вразумеешь? Не в мастерстве и силе дело его…

– Услышал я твое слово, Акилура, – хмуро произнес староста. – Как ему мы помочь можем? Мы в магии не учены…

– Помочь вы ему можете! Учи всему, что знаете, и с камнем пусть урок не забывает делать. Чем больше его взлетать заставлять будет, тем с большим даром в академию приедет. А вы, главы, коль он рядом с вами будет, после того как камень на землю упадет, Песта накормите, но спать не давайте. Хоть палками, хоть словом добрым, но спать не давайте. Пусть воду таскает аль с бревном на плече бегает. Лишь бы не спал. Дар тогда крепче будет и расти быстрее.

– Зачем мучить мальчонку так? – спросил мужик с огромными кулаками. – Дар оно хорошо, но как бы не обозлился он на нас.

– Чем больший дар, тем сильнее ворожба мага. Не надобно ему тогда ни посохов с камнями дорогими, ни амулетов золотых с самоцветами. А чтоб не обозлился, вы ко мне его ведите. На путь правды его поставить стараться буду.

– Надо его письму и счету учить! – напомнил рыжий мужик.

На это восклицание никто не отреагировал. Староста взглянул на Акилуру, и та в ответ кивнула.

– Нужно! В городище ему много писать и читать придется. – Кивнула Акилура. – Ты бы, старшой, в город отправил кого. Надобно узнать, сколько постой в городище стоит и чего в академию надобно. Перья с чернилами аль мантию со знаком. Через купчин такое выведывать опасно. Могут люд лихой на нас навести.

– Ну а, Лык, что скажешь? – староста обратился к рыбаку, который весь разговор молчал.

– Что скажу? Мальчонка как мальчонка. Морды учится вязать. Вяжет пока плохо, но вразумеет быстро. Ежель так пойдет, то через полгода сам снасть всю готовить будет. На весну рыбак еще один будет.

– Не про то я тебя спрашиваю. Расскажи, как Пест камень поднял.

– Как сам камень поднялся, не видал. Врать не буду. – Лык почесал подбородок, словно задумался о чем-то. – Я в дом зашел. Жинка позвала обедать. Его с собой позвал, а он, мол, «Акилуре наказала».

Я, значит, в дом зашел, руки помыл и за стол сел. Ложки в рот не взял, думаю, дай гляну, как он делает. На крыльце выхожу, а он у полена сидит на земле. Руки к полену протянул, а меж рук в воздухе камешек его висит. Не высоко, на два моих пальца. А сам Пест весь в поту и руки как от лихоманки дрожат. Как глаза открыл, так камешек на полено упал и на землю покатился.

– От оно как. А Пест что?

– Я его в дом за стол отправил и, как жинка вышла, ее к тебе послал. А сам, как в дом зашел, смотрю, а Пест тарелку в гладь речную вылизал и спит на столе. Я его будить не стал. На лавку уложил, так он до заката и проспал.

– Значит, Лык, мы пока так поступим. Завтра с утра Песта к Руноку отправим, а потом он в полдень у Акилуре будет. После полудня уж ты им займешься. – Староста повернулся к мужику с бородой и русыми волосами. – Ты уж прости, Под, что без тебя сына твоего судьбу решаем, но так надо для всего села.

– Знаю я, старшой. Пест уже не мой сын, – хмуро произнес Под. – Он сын всего села, и мага из него всем миром делать будем…

– Хорошо, что понимаешь. Вир, ты у нас копьем лучше всех владеешь…

Слова старосты прервал хлопок по столу Акилуре.

– Не вздумай, старшой! Аль забыл, что магам оружие в руки брать нельзя? То государев указ, и не надо искушать Песта!

– А как же он будет за себя стоять?

– Кулаки. Только так, а иначе вздёрнут на суку его. Маг может в руки оружие взять только ежели он благородного рода! Так что пусть кулаками махать учится…

Старая дверь скрипнула, и в землянку к Акилуре вошел Пест. С непривычки к сумраку он начал моргать.

– Чего в дверях встал? Проходи, – послышалось из дальнего угла. Пест послушно прошел и уселся на лавку у стола. Послышались шаркающие звуки. К столу подошла старуха и уселась рядом. – Ну, чего ждешь? Доставай камешек и делай, как наказывала.

Пест, не сказав ни слова, достал камень и, вздохнув, положил на стол. Руки он положил рядом так, что ладони были повернуты к камешку.

– Баб Акилуре! Может, всё-таки ошибся маг? Нет у меня дара? – тихо спросил Пест старуху. Та отвесила звонкий подзатыльник мальчишке и прокаркала над ухом:

– Не болтай! Делай, как велено было!

Пест сосредоточился и принял представлять опостылевшую картинку, как из рук часть него перетекает в камешек. Когда это начало даваться с трудом, он услышал голос старухи:

– Делай все так же, только глаза отрой!

Открыв глаза, он увидел старуху, которая подслеповато сощурилась, стараясь разглядеть камешек, и сам каменный шарик, который подарил маг, висящий над столом. Концентрация тут же пропала, и шарик плюхнулся на стол. Пест не мог вымолвить и слова, но глаза были широко распахнуты.

– Ох и тянет ворожбой сырой… ох и тянет!.. – Старуха втягивала носом воздух и резко через него выдыхала. – Взлетел камень-то?

– Взлетел, баба Акилуре!.. Взлетел! – воскликнул мальчионка. Лицо его излучало неподдельное детское счастье.

– Сядь! На, яблоко съешь, а той, не дай единый, в обморок упадешь! – Старуха протянула ему яблоко. – Сядь и слушай, Пестушка! Выйдет из тебя маг. Незнамо какой силы, но выйдет.

И не простой маг. Магия у тебя сырая. Не склонна она ни к огню, ни к земле, ни к воде аль ветру. Сможешь ты всей магией овладеть.

Глаза Песта, словно два разноцветных блюдца, уставились на старуху. Такое выражение лица у детей было, когда Акилурा рассказывала детворе сказку или былину.

– Ты уж прости нас, Пестушка, но дар у тебя – это проклятье твое...

– Какое проклятье? – перебил старуху мальчионка. – Баба Акилурा, так я ж огню наказывать буду! Я ж как скажу, так весь люд лихой аки кострище полыхать будет!..

– Рот прикрой, когда старшие говорят! – строго сказала Акилурा. – Лихой люд он жечь собрался! Ты из нашего люду вышел – тебе и быть магом наместным! Будешь по землям нашему люду делать, коли сами не сдюжат. А проклятье сие потому, что себе ты больше не принадлежишь!

– Это как? Я роду своему принадлежу. У меня мамка с папкой есть... – после нескольких секунд молчания задумчиво пробормотал Пест.

– Не сдюжит твой род из тебя мага сделать. И село наше не сдюжит... – старуха говорила это, глядя в глаза Песту. Ее зрачки были белесыми от катаркты, которую некому было вылечить. Лечить в округе умела только она. От этого мальчишке казалось, что на него смотрят белые буркала старухи. – Всей окружой будем деньги немалую собираять да учить тебя всему, что сами умеем. И землю пахать, и травы варить, и железо ковать, и плотничать, и пряжу вить...

– А зачем мне пряжу вить уметь? Не мужицкое это дело, баб Акилурा!

– А ты думал в ладоши хлопнешь, да в обычный платок ворожба поселится? Чтобы такой платок спрячь, маг его сам должен делать да ворожбу ворожить, пока делает. А кто за тебя ворожить будет, коли ты платок вязать не умеешь? Кто за тебя отвар целебный варить будет, коли ты варить отвар как не знаешь? Чего умолк? Меч тоже ковать надообно уметь, чтобы на него ворожбу поселить. А кузнецов в селе нашем немае. Сам знать должен. Вот и думай! Вся округа за тебя встанет. Всем миром собирать да учить будем.

– А ты меня ворожбе научишь? – спросил Пест.

– Не умею я ворожить по-мажьи, а что умею – всему обучу и что знаю – все расскажу...

Спустя несколько месяцев

Пест сидел у маленького окна и выводил буквы на дощечку, покрытую воском. При этом он высывал язык и горбился, стараясь вывести букву как можно сильнее. На мгновение послышался свист, и мальчишке прилетело по спине розгой.

— Спину выпрями, не то будешь кривой, как Акилур! — Рунок довольно строго относился к мальчику. Он заставлял писать его буквы, пока те не получались идеально ровными. Читать у Песта уже получалось, но пока по слогам.

Пест не проронил ни звука, лишь закусил нижнюю губу и выпрямился. Рунок нагнулся над восковой дощечкой и взглянул на писанину мальчишки.

— Ох ты горюшко! Жимолость так не пишется! Нет там буквы «ы»! — Он уже хотел снова отвесить Песту подзатыльника, но заметил, что тот поглядывает в окно. За окном, вид из которого выходил на окопицу селения, происходила процедура прощания. Пикард, староста и еще двое мужиков обнимались.

— Дядько Рунок, а куда Пикард уходит? Да еще в латах кожаных?

— В городище он идет. В Вивек. За учебу твою узнавать, да за постой пока учиться будешь.

— А почему Пикард и зачем его в латы одели?

— На дорогах лихого люда хватает, а уж одинокого ходока им раз моргнуть, прирезать. Так, может, он еще ноги унести сумеет. А его отправили, ибо пришлый он, из лихого люда, но смертью не пачканный. Да и долг живота у него. Перед Акилурой живот в долг держит он. Она его, раненого, выхаживала и сказала, что проклят он. Родовым проклятьем проклят. Не может он наследников иметь. Вот и послали его в городище. Судачат, что сам вызвался... — Рунок отвел взгляд от окна, где Пикард, переобнимавшись со всеми, пошел прочь от селения. У крайнего дома он остановился и, обернувшись, поклонился в пояс, достав рукой земли и прихватив щепотку. Выпрямившись, он посыпал голову землей и, развернувшись, пошел прочь от села.

— А далече до Вивека идти? — спросил Пест, не отрывая взгляда от удаляющейся спины Пикарда.

— Две недели, ежели на коне по тракту. Пикард — не дурак и по тракту не пойдет. Я так мыслю, он по лесу, вдоль тракта пойдет. Он лихой люд знает и на рожон не полезет.

— Это ж ему не две недели ногами идти!

— Месяц в одну сторону и обратно еще месяц, так что к посевной обернуться должен. — Рунок взглянул на задумавшегося Песта. — О чём задумался?

— Боязно за Пикарда, дядько Рунок. Голову сложить может.

— Всегда боязно, Пест. И голову сложить может и ни с чем вернуться. Ты на Акилуре смотри. Ей уж скоро сотня зим будет. Старшой как-то спросил ее, отчего та единому душу не отдает. Знаешь, что она ответила? «На кого я вас оставил? Перемрете без слова духов местных да совета предков мудрых!» Мамка мне так рассказывала. Вот! То и страшно, Пест. Ежели без нее останемся, то худо совсем будет. Она и зверя голодного от села отводит, и слово о неурожае от духов вещает. Ежели б не она, народ с голоду не раз зимой душу единому отдал бы. Вот это страшно!

— А как мы без Акилуры раньше жили? — задал совсем не детский вопрос Пест.

— Как другие. Так же и жили. Лапти последние да детей на торжище бы везли, чтобы знахарку какую к себе переманить. Без них совсем худо было бы... — Рунок еще раз взглянул в окно и, не найдя спины Пикарда, скомандовал Песту: — Следующую букву пиши. Завтра прописные писать учиться будем...

Спустя несколько месяцев

Едва рассвело, дверь в дом старосты с грохотом открылась. Вошла Акилуря, крикнув на весь дом:

– Старшой! Собирай мужиков!

– Чего кричишь? – воскликнул мокрый староста. Он был гол по пояс и вытирая лицо. Под ногами стояло деревянное ведро.

– Пикард на лысом холме лежит! Медведь подрал его! Не успеете – до седьмого колена проклянущ!

После этих слов староста подобрался и спешно начал одеваться.

– Пальта! Детей буди! Глав родов и воев ихних ныхай ко двору зовут, да с латами и оружием!

Немолодая женщина выскочила из-за печи и, взглянув на супруга, мигом кинулась за печь. Спустя полминуты оттуда пулей выскочили трое ребят и скрылись в дверном проеме, чуть не сбив Акилурю.

– Собирай мужиков, а я к лесу пойду. С хозяина леса долг спрошу, он вас коротким путем проведет. Да не медлите, как соберетесь сразу к лесу идите.

Староста не ответил. Он кивнул и продолжил затягивать шнуровку на нагруднике, а старуха маленькими шагами, но быстро перебирая ногами, вышла из дома…

– Лесничий, дружочек! Возьми пирожечек да ко мне подойди. Помощь мне окажи, – повторяла Акилуря как мантру, положив кусок пирога на пень, который находился на границе леса. Сзади послышался топот мужиков. Старуха вытянула назад руку, давая знак им остановиться.

Одетые в кожаную броню мужики остановились на расстоянии ста метров. Акилуря умолкла и, замерев, стала вглядываться в лес. Спустя минуту она слегка хлопнула в ладони. Звук же от такого хлопка вышел оглушительный и эхом разнесся по окрестностям.

– Чего шумишь? Тут я! – послышалось из-под ног старухи. Из травы поднялась кривая ветка.

Используя пару веток как руки, а другую пару – как ноги, она поднялась. – С чем пришла?

– Долг с тебя спросить хочу! – прокаркала та в ответ.

– Долг говоришь? – Писклявый голос ветки приобрел задумчивые нотки. – Чем долг взять хочешь?

– Мужик, что на лысом холме, живой?

– Живой покамест!

– Вот к тому мужику и отведешь старшого села с людьми. И зверя от мужика того отведешь!

– Зверя-то я отведу, а старшой не знает к лысому холму дороги?

– Знает, но ты его своими тропами поведешь!

От этих слов Акилуря ветка зашипела.

– Не бывать тому, чтобы по моей тропе человек шастал!

– Я тебя не просто так прощу! Я с тебя долг жизни требую!

– Не бывать, я сказал! – Писк ветки приобрел истеричные нотки.

– Забыл ты, кто тебя из духов лесных вытащил! Забыл, кто тебя кормит! – Акилуря протянула руку с разбухшими суставами в сторону ветки и сжала пальцы в кулак. Сжимая кулак до побелевших костяшек, она начала его вращать. От ветки послышался писк, наполненный болью. – Я тебя хозяином леса сделала, я тебя от магов пришлых прятала, я тебя кормлю силуэтом! Забыл ты, чье сердце под лавкой у меня лежит! Силу в себе почувял!

— Сделаю! Сделаю, отпусти! — На срыве пищала ветка, изгинаясь в причудливые формы. — Все сделаю!

— Мужиков обратно, вместе с тем, что на холме лежит, так же по своей тропе воротаешь! — со злостью прокаркала Акилуря. — Не дай единый, я услышу слово плохое от мужиков! Месяц без еды сидеть будешь!

Ветка выпрямилась до исходного состояния и упала, а старуха повернулась к мужикам и махнула рукой.

— Держи! Это зелье, что с торжища мужики привезли. На раны Пикарду нальешь, а что останется — в рот выльешь. Как воротаешься — Пикарда ко мне несите. И поищите в округе. Духи предков сказали, не с пустыми руками идет! — Старуха протянула маленький флакончик старосте. Тот кивнул, и они с мужиками двинули к лесу...

Спустя пару дней

– Звала, Акилуря? – Староста смотрел на серое, осунувшееся лицо местной ведуны.

– Звала! Глав родов собрал?

– Здесь мы! – Посыпалось из-за спины старости.

– Песта привел?

– Тут я, баб Акилуря! – Посыпался голос Песта.

– Заходите тогда, чего встали? Ты, Пест, сядь у печи, да помалкивай и на ус мотай! А ты, староста, и вы, главы родовы, на лавку садитесь.

Пройдя в комнату, мужики уселись на лавку, рядом с лежаком, на котором лежал Пикард. Он лежал на животе и размеренно сопел с закрытыми глазами. На всех места на лавке не хватило, и некоторые остались стоять рядом. Староста сел напротив лица Пикарда.

– Просыпайся, Пикард! Старшой говорить с тобой хочет! – С этими словами Акилуря провела рукой по лицу раненого. Глаза Пикарда открылись, уставившись на старосту, и на лице растянулась улыбка.

– Дошел всё-таки я, старшой!

– Добре, что дошел! Рассказывай, что в городище видел! Все рассказывай! – Староста хмурился, глядя на него. Было за что. Пикард вернулся без кожаной брони, без сапог и без единственного в селении клинка. Клинок был среднего качества, и владеть им никто не умел, но это была ценность для всего селения.

– До городища дошел без лиха… – начал Пикард, нахмурившись под взглядом старосты. – В городище попытался люд расспросить, но ты без меня знаешь, что без добра для себя никто пальцем не шевельнет. Я покумекал и так и эдак и пошел в харчевню. Долго искал, где маги ночуют, но найдя – нос повесил. Цены были такие, что тех серебрушек, что ты мне дал, и на ночь постоя не хватит. Приютился я у портовых мужиков в бараке, за бутыль медовой. Слово за слово я им дело рассказал. Они-то мне и рассказали все. И про постой, и про житье городское. Ты прости меня, старшой, но пропил я твои серебрушки. Не сдержался… не гневайся, единным молю!

– Забыл яму холодную да ушат воды ледяной… но не о том речь. Ты говори, что вывел! – староста цедил слова сквозь зубы. Было заметно, что он очень зол.

– Тех, кто у магов учится, студиозусами кличут. Или студентами. Кто как. Так вот те, кто не из благородных и не купчиши дети и деньгой не сорят, они угол у люда городского снимают. Цену все берут разную. Это и от того, есть ли стол да шкаф в комнате, зависит, так и от того, большая ли комната. В порту люд не богатый, но за десяток грошей можно угол с топчаном да столом с табуретом снять. Еще узнал, что студиозусы работают во время учебы. Учатся они с утра, но не с рассвета, а как солнце хорошо над горизонтом встанет. Учатся они до зенита солнца. А дальше сами науку учат или же праздно шатаются. Тех, кто работает, не много. Узнал о троих. Двое у лекаря местного в послушниках ходят, а один – у кузнеца. У магов многое благородных учится, посему они простой люд в ученье сильно не жалуют. Своими глазами видел, как благородный у ворот академии простой люд кулаком угощал. Тот даже встать не решился, да как пес дворовый у ног калачом лежал. – Пикард хотел перевернуться на бок, но тут же воскликнула Акилуря.

– А ну ляжь обратно на живот! Только кожу нарастила!

Пикард вздохнул и лег обратно на живот, продолжив рассказ.

– Я, значится, подождал, пока солнце в зенит выйдет да студиозусы разбредутся, и к охраннику на воротах в пояс поклонился да грош в руку сунул. Он меня гнать сначала хотел, а потом добро дал. Спросил я, мол, как принимают, чего стоит, а он мне в канцелярию путь указал. Там мне все и рассказали. Маг, что у нас был, не соврал. За обучение, чтоб без кон-

тракта на службу государеву на пять зим, деньги берут в сорок золотых государевой чеканки. Наукам учат их пять зим. Мантию да писчую доску с собой иметь надобно. А то, что у нас Пест силой никакой не отмечен, не страшно. Мол, какие экзамены сдаст, те знаки ему и выдадут. Тут уж от усердия и прилежания его зависит. Что сможет выучить, то и унесет с собой.

— Какие знаки? — спросил староста.

— Так по закону государеву, уж как три зимы, ежели человек даром обладает да обучение прошел, то должен иметь знаки на груди. Их иглами да чернилами с ворожбой делают. И стереть никак нельзя, ибо на коже их делают. — Среди мужиков раздался гомон, так как татуировки никто не делал и все считали это уделом шаманов на севере государства. — И для неблагородных они экзамены проводят. Умеет ли дите писать, читать и считать. Это обязательно. Еще дар проверяют у дитя. Ежели он подходит, его зачисляют. Ежели нет, то от ворот поворот. Еще, старшой, я вот, что узнал. В академию зачисляют до пятнадцати зим. Старше не берут. Архи... рус словом обмолвился, что чем младше дите, тем лучше маг выходит. Вот так вот старшой...

— Что в мешке тащил? И где мешок ворожбой замарал? — спустя несколько минут молчания спросил староста.

— Я когда от пьянки отошел, старшой, думать начал, где поспать да поесть найти. С мужиками портовыми работать начал. Товар грузил да склады охранял. Два месяца так работал и денег немного собрал. — Пикард протянул к мешку руку и начал развязывать горловину. — Я к студиозусу сходил, когда в обратный путь собрался, и в пояс поклонился. Попросил мешок заворожить, чтоб чужой коснуться не мог.

— То, что он в учениках ходит, это ладно. Он так мешок твой заколдовал, что Изунт в штаны наклал, как в руки взял его. Так и шел обратно с мешком и штанами полными! — Староста засмеялся. Его смех поддержали все мужики, кроме одного. Самого Изунта, который покраснел.

— Боялся я, старшой, что лихой люд поймет. Вот и зачаровал на последние гроши. А нес я в нем вот что. — Пикард принял вытаскивать из мешка книги. — На что хватило. Книги обычные без ворожбы. Мне в канцелярии бумагу написали, какие книги брать, чтобы Песту с них толк был. Два десятка грошей за такую бумагу отдал, — со вздохом произнес Пикард. — У меня не хватило только на одну книгу. Вот еще доску чародейскую купил. С ней палка вот такая. Маг палку даром своим заряжает, и палка эта по доске как перо с чернилами пишет. А еще вот. Архив... Арус... Этот мужик в канцелярии сказал, что Песту еще эти камни нужны будут. Я почти все деньги на них спустил. Пришлось еще три дня в порту работать, чтобы на еду в дорогу набрать.

Пикард достал маленький мешочек и высыпал на ладонь прозрачные камешки.

— Дай сюда! — потребовала Акилура. Взяв в руки камни, она начала их нюхать.

— Куда доспех с мечом дел? — строго спросил староста, пока старуха что-то бормотала над камнями. — Пропил?

— Прости, старшой... виноватый я. Как оклемаюсь, за все ответ держать буду. — Староста хмуро взглянул на Пикарда, но ничего не сказал ему, а обратил взор на Акилуру.

— Что за камни, Акилура?

— Для ворожбы этот камень. В нем часть своего дара хранить можно, а когда ворожбу маг творить будет, он не свой дар тратить будет, а тот, что в камне этом. Зело нужное Песту дело! И книги нужные, но не всему я смогу его научить.

— Добрый поход вышел! Зла я на тебя, Пикард, не держу, но главы родовы думать будут, как с тебя за клинок добрый и латы стеганы спросить. Лечись пока, а мы совет держать будем...

Еще несколько лет спустя

В землянке Акилуры горела масляная лампа, стоявшая на столе. На улице уже смеркалось, а через бычий пузырь в окне свет проникал неохотно. За столом сидел Пест и читал книгу, а перед ним устроилась и слушала Акилура.

– …Все стихии взаимосвязаны и неразделимы. В любом объекте в нашем мире есть как стихия воды, огня, воздуха и земли, так и света, тьмы… – Пест читал уже словами, но довольно медленно.

– Тоже мне невидал! Сие каждому ведому! – Усмехнулась старуха.

– Как как тож быть может? Вот он я! Откуда во мне стихии? Не горю я, да ветер во мне не гуляет!

– Аль не догадался? – С прищуром спросила старуха. – Одиннадцатая зима твоя наступает, а дальше носа не видишь! Кровь твоя – не течет как водица? Кость твоя не тверда как камень? А может, ты не ветром дышишь? Так, может, ты без согреву зимой проживешь?

Пест задумался. Почесав коротко стриженные волосы, он начал неуверенно рассуждать:

– Без воды человек не живёт. Кровь его – это его водная стихия… Кость человека – это его земляная стихия, ибо тверже камня нет ничего. Воздух в человеке в груди его… – Пест стукнул себя по груди, издав глухой звук. – Ежели воздух в грудь человек не вдыхает, то жить он долго не сможет. А огонь внутри каждого горит, ибо тепло у человека внутри.

– Неужто думать научился? – Старуха засмеялась каркающим голосом. – Ты только языком меньше трепли и то, что надумал, при себе держи. Люд он везде разный, может и зло затаить, а может и в глаз кулаком сунуть. В городище лучше вообще помалкивай, да на ус мотай.

– Баб Акилура, а в дереве тогда как?.. – Старуха не ответила, но с прищуром взглянула в глаза Песту.

– Что по весне собирал с детворой? С кадками по лесу бегали?

– Сок! Сок в стволе да воздух по всему стволу! Дерево оно ж не тонет!

Акилура заулыбалась беззубым ртом от слов Песта и кивнула своим мыслям.

– Так оно! Сии знания зело нужные, нам тебя к Дорожичам собирать на зиму надо. Посему стараться с тобой будем землей овладеть, а ежели выйдет, то и огнем. Ворожить без ученья ты не сможешь, но железо силою напитать да горнило без огнива зажечь сможешь. В ковке это больно нужное дело будет. Открывай книгу с обложкой зеленою.

Спустя несколько лет

Пест сидел за старым, отполированным столом в землянке Акилуры. Сквозь маленькое оконце, затянутое бычьим пузырем, угадывались фигуры.

Фигуры местной детворы, собравшейся за ульем, который нашел один молодой охотник.

– Чего умолк? – спросила Акилура задумавшегося Песта, повернув ухо к окну. – А-а-а... Тоже за ульем со всеми хочешь?

– Хочу, баба Акилура... – вздохнув, произнес Пест. Он уж возмужал, подрос и еще сильнее раздался в плечах. Лицо начало приобретать грубые черты.

– Ну, коль хочешь, иди... – с прищуром произнесла старуха. – Неволить не буду...

Пест посмотрел на стол, а затем на свои руки, еще раз взглянув в окно.

– Не пойду, – со вздохом произнес Пест. – Не можно мне своей жизнью жить и то делать, что вздумается.

– Эко как! Ну тогда рассказывай.

– Что знать тебе хочется, баб Акилура?

– Рассказывай, как наказ мой выполнил, как учеба твоя у Трипона – кузнеца из рода Дорожичей – прошла. Что сумел? Что не вышло? Все рассказывай! С прошлого урожая тебя не видывала, не слыхивала.

Пест сложил руки на груди и, вздохнув еще раз, начал рассказывать. Говорил он короткими рублеными фразами.

– Ты уж прости, баб Акилура, но опозорил я село наше. Я со старшим сыном, наследником старосты Дорожичей, на кулаках сошелся. Зело хорошо тот на кулаках бьется, и не смог одолеть я его. Тут меня зло взяло, и нестерпел я. Кулаком с огнем из дара ему в левую скулу сунул.

– Знаю я про то дело. Аль, ты думаешь, что рана жжёная сама так быстро заросла? Не печалься. Ты рубаху сними и спину свою покажи.

Пест скинул на скамью рубаху и повернулся к Акилуре спиной. На спине красовались росчерки шрамов. Шрамы были прямые и явно от кнута. Необычным было только то, что шрамы сильно выпячивались, словно приклеенные. Акилура провела кончиками пальцев по спине, ощупывая шрамы.

– Добро кнута получил! Добро! Солненой водой поливали?

– Оной самой! – ответил Пест и передернул плечами.

– Добро!

– Да, какое уж тут добро!

– Обыкновенное! Помнишь, чего боялся до розг?

– Боялся, что помрет сын старосты и он виру с села нашего возьмет! Ночь, пока в яме сидел, все единому молился, чтобы живой был.

Старуха с прищуром взглянула на Песта и кивнула своим мыслям.

– От рожи подпаленной не всяк помрет. Только ежели на роду написано. Про все знаю, врачевала я лицо его. Подпалена останется, конечно, но жить будет и наследника сделает. А ежели ты еще раз с кем на кулаках сойдешься – я тебя прокляну на два колена! Ишь! Силу в себе почуял! А я тоже хороша! Огню да земле обучила! – Акилура принялась копаться в корзине, которую с собой принес Пест. – На вот, яблочко скушай... Будет урок тебе, да ему в память на жизнь. А мой наказ за огехи твои таков: будешь учиться душою глядеть да носом магию чуять! Понял меня?

Пест упер взгляд в пол и согласно кивнул.

– Ты мне за кузнечье ремесло скажи. Что Трипон говорит, тяжко было аль легко?

– Работа в кузне не тяжелее нашей плотницкой, да вот Трипон говорит, что металла не чувствуешь да мастера из меня не выйдет.

– Кузнец средней руки значится. Но и то в хлеб. Косу аль подкову выковать сможешь?

– Смогу, баб Акилура! Я себе нож сковал! – С этими словами Пест достал из-за пояса небольшой ножик. Тонкое и узкое лезвие делало его больше похожим на шип или полированный плоский гвоздь. Длиной он был в две трети ладони здорового мужика.

– Аль не знаешь ты, Пестушка, что магу оружие в руки брать нельзя? Аль ты на суху повисеть решил, за шею подвешенный? – Голос Акилурсы снова приобрел каркающие нотки. Она протянула руку в требовательном жесте.

– Так то ножик по хозяйству! Ширина лезвия в два пальца, длина меньше ладони! Не оружие сие, баб Акилура! Мне кузнец сразу наказ дал. – Пест вложил в ее руки ножик, который сам выковал.

– Коли так, то добро, но носить с собой его тебе недозволено! Мал ты еще да в дом добро не носил, – проворчала старуха, ощупывая нож.

Хоть Пест и умел делать снасти для рыбной ловли, но самостоятельно его на реку никто не отпускал. Только со старшими отроками или взрослыми мужиками. Детвора, имевшая право на самостоятельную добычу пропитания, относилась к отрокам. Самостоятельными их не считали, и слова они не имели своего, но статус их уже был выше детворы. Их уже брали с собой на торжища, если заслуживали, и ставили руководить детворой.

– Нож отцу отдашь… – Акилура еще с минуту крутила нож в руках, тщательно его ощупывая и обнюхивая. – Ворожбу на металлы навел? – спросила она Песта. Тот кивнул. – Руки старые, рисунка на лезвии не чают, но смердит от ножа землей сырой. Чую, ты в него знак земли вковал?

– Так оно! Только толку с того не много. Нож острее других и заточка дольше держится. Пробовал я, баб Акилура, ворожбу огненную в гвоздь вложить, да не вышло у меня. Только три гвоздя попортил. – Пест вздохнул. – Развалились они, словно ржой покрытые.

– Огонь в железо поселить трудно. Не его это стихия, хоть через него прошло… Такой ворожбе только в академии маговской учат. Ты вот что. До сумерек камень, что Пикард с городища принес, наполни. А как сумерки найдут – ко мне приходи. Отцу скажешь, я тебя на три дня заберу. – Старуха принялась копаться в корзинке и достала оттуда горшок с топленым маслом. Понюхав его и улыбнувшись, она обратилась к Песту. – Матушке поклон от меня передашь, а теперь до дому иди. Отец должен скоро вернуться…

Пест подходил к землянке старухи Акилуры. Он весь день провел в рассказах. Сначала рассказывал отцу о своих приключениях, а когда дошло до инцидента с сыном старосты, то получил тумаков еще раз. Уже к вечеру вернулись братья и младшая сестра. Пришлось еще раз рассказывать о своей учебе у кузнеца. Отец, к слову, нож отобрал и воткнул его в стену над столом. Песту при этом велел ножны под него смастерить, а когда отдаст и отдаст ли вообще, не обмолвился.

Сейчас же Пест шел, улыбаясь и морщась одновременно. Улыбался он от того, что наказание отца вышло не таким страшным, как ожидалось, а морщился от того, что разбитая губа при попытке улыбнуться снова начинала кровоточить и болеть.

– Не мельтеши под ногами! Распрыгался он! – Услышал голос Акилурсы Пест. Он уже подошел к ее землянке.

– Ну говори уже! Сколько томить можно? – послышался из землянки тоненький, дрожащий голосок.

– Придет наследник, тогда и дело будет! Гать под лавку! И чтоб не слыхивала я тебя, не то хвост отдавлю! – Услышав ругань Акилурсы, Пест немного замялся перед дверью, но потянул ручку из старой, изогнутой и отполированной ветки.

– Пришел значится! – встретила словами Песта Акилура. Она стояла у печи и что-то помешивала в горшке. Парень проморгался, привыкая к полуутьме, и заметил что-то черное под лавкой. – Вылезай! Глянь на наследника моего!

Из-под лавки послышалась возня и выглянула абсолютно черный пятак. Затем показалась морда целиком. На Песта смотрели красные буркала натурального черта. Когда черт вылез из-под лавки, Пест смог его оценить. Ростом не выше колена, рожки с фалангу мизинца на черных, как смоль, волосах и неестественно длинный хвост. Одежды, кроме родного меха, не было. Болтающиеся между ног мужские гениталии ясно давали понять, что создание мужского рода. Черт подошел к нему, цокая копытцами, и начал принююхиваться, забавно шевеля пятаком.

Акилура в это время сняла горшок с печи и поставила на стол. Взглянув на улыбающегося Песта, она ухмыльнулась.

– Хорошо, что не боишься. Черти страхом и гневом питаются, ежели другой еды не найдут.

– Что ж ты, старая, себе в наследники дите с сырым даром взяла? – пропищал черт. – Всей магии с хрен да маленько, а толком ничего! Дура старая! Не выйдет из него толку!

– То не твоего ума дело! – Топнула ногой старуха. – Рот свой гнилой прикрой, пока я тебе хвост не укоротила!

Черт моментально поджал хвост, а кончик, на котором красовалась кисточка черных волос, зажал в правом кулаке.

– Молчу, Акилура! Молчу! – Черт высунул язык и поскреб его коготками, после чего закрыл рот и прикрыл левой рукой.

– Значит так! Ты наказ мой выполнил? – спросила мальчишку Акилура, при этом глядя в горшок и принююхиваясь к нему. Черт в это время начал корчить старухе рожи. – Коли выполнил – достань!

Пест полез в небольшой мешочек, который был подвязан на тонком ремешке штанов. У ремешка не было пряжки, поэтому он был завязан хитрым узлом. Из мешка он достал небольшой прозрачный камешек. В полуутьме землянки этот камешек едва светился. Как только Пест достал камешек, черт тут же замер, уставившись на него.

– Дай!.. Дай его мне!.. Я тебя силою своей отмечу! Будешь магом сильным!.. Дай! Дай мне его, а я тебя красавцем писанным сделаю! Все девки, как завидят – тоскою исходить будут!.. Я тебя государем сделаю!.. Дай!.. Отдай его мне!.. – Черт не отрывал от камня глаз и тянул к нему руки, подпрыгивая и пытаясь достать его. – Дай, тебе говорю!

Последнюю фразу черт говорил уже в приказном тоне, что не понравилось Песту. Черт принял карабкаться по его штанине. Пест мельком хмуро глянул на улыбающуюся Акилуре и, зажав камень в кулак, с размаху влепил по пятаку черта. Тот отлетел к стене и завыл противным голосом.

– Что ж вы все в пятак-то норовите сунуть! Чтоб тебе кривым да косолапым до гроба жить! Чтоб тебя стоймя схоронили!.. – проклинал Песта черт, а со стороны печи слышался смех Акилуры.

– Добре! Знамо, как с чертями себя вести нужно! Вразумил! Не зря детворе сказки да былины рассказывала! – Отсмеявшись, она обратилась к черту: – Это плата, за дело для наследника моего! Возьмёшься, аль хвост подожмешь?

– Дело это хорошо, но плата лучше! Что хочешь за камень с силой?

– Не за камень, а за силу в камне! Подавишиесь камнем! Самим нужон! – Тут же оборвала Акилура черта. – А хочу я за то – глаз твой правый и пятак!

– Не пойдет! Глаз с пятаком на ворожбу сырую! Да ты на камень посмотри, старая! Тамо магии с мой хрен!

– Не нравится? Не бери, а я и посговорчивее кого найду, но сначала… – Акилуря протянула руку и взяла старую клюку. Стукнув ей по полу, она что-то прошептала. Черт было дернулся, но кончик его хвоста, который он успел опустить, намертво прилип к полу. Акилуря поднялась, опираясь на клюку, и пошла к Песту, возле которого прилип кончиком хвоста черт. Клюка при этом осталась стоять у печи, словно ее в землю воткнули.

– Акилуря! Да ты чего? Я же так, для торгу! – Черт пятился от старухи в ужасе. Когда длина хвоста не позволила ему пятиться дальше – он принялся дергать за свой хвост. – Все по договору будет! Глаз правый да пятак за силу сырью из камня!

Акилуря подошла к Песту, не обращая внимания на черта, и протянула ему большую иглу.

– В палец ткни да три капли крови своей на пол капни! – велела она ему. Повернувшись к черту, она сквозь зубы процедила: – С тебя уговор! Как положено!

Черт закивал головой как припадочный, а Пест подошел к нему и капнул на пол три капли, после чего пришлось, облизав палец, укутать его в рубаху. Черт подошел к каплям и понюхал их, требовательно взглянув на Акилурю.

Та подняла руку по направлению к своей клюке, и она моментально перенеслась ей в руку. Хвост в этот момент отлип от пола.

– Черт слово дает да обратно не возьмет! Черт слово взял да во век не отдал! – Начал пищать черт. Он уселся задницей на кровь и принялся елозить, размазывая кровь по полу. – Глаз свой правый да пятак отдаю, за то силу с камня сырью беру! Черт слово дает да обратно не берет! Черт слово взял да во век не отдал!

После своей скороговорки и пляски на крови голой задницей черт встал и обратился к Акилуре:

– Даешь слово, Акилуря?

– Даю! А ты берешь слово?

– Беру! – Черт раскрытым пятерней ударил по пятну крови, от чего то пошло черным дымком и моментально впиталось в пол. В доме повис запах серы.

– Давай глаз и пятак! – приказала Акилуря.

– Силу давай сначала!

– А тож не знаю я роду вашего чертовского? Глаз и пятак вперед!

– Тебе надо? Ты и бери! – Черт сложил руки в замок на груди и задрал пятак к потолку.

– Ох, ты ж чертова отродье! – Старуха с перекошенным от злости лицом стукнула палкой об пол. – Ты меня за дуру держишь?

Зазевавшийся черт опять забыл про кончик хвоста, и тот прилип к полу.

– Я тебя сейчас этой клюкой так отхожу! Ты у меня всю родню мою по восьмое колено вспомнишь! Аль ты думал, что забыла я? Забыла, что глаза твои да уши с пятаком, не тобой самим взятые, даже в суп не годны?

– А вдруг? – немного наивно ответил черт, хлопая красными буркалами. – Всяко бывало!

Он вытер правую руку о шерсть на груди и залез себе в глазницу, из которой спустя несколько секунд достал глазное яблоко. Взглянув на него левым глазом, он вздохнул и положил его на пол. Далее он обхватил торчащий пятак обеими руками и принялся тереть его. Тер долго. Около трех минут, но в какой-то момент из его рук упал пятак. Во время всех манипуляций черта из него не капнуло ни капли крови.

– Слово дала? Дала! Так, что давай камень сюда! – запищал черт, как только пятак коснулся пола. Сам он выглядел довольно забавно. Без пятака он больше походил на одноглазого тушканчика.

– Ты, Пестушко, камень в руки ему не давай. В пальцах держи да к рылу его поднеси. – Акилуря показала, как держать камень на вытянутых пальцах. Пест сделал как ему велели, поднеся камень к рылу черта. Тот вытянул губы трубочкой, стараясь максимально приблизиться

к камню. Как только он начал втягивать через рот воздух, свет в камне начал тускнеть. Втягивал он воздух, пока камень не обратился в обычную с виду стекляшку. Живот черта раздулся и сам начал походить на разожравшуюся крысу.

Заметив, что Пест глядит на его живот, черт резко дернулся и постарался проглотить камешек, который был с горошину. При этом он укусил Песта за палец, но прокусить его не успел. Пест вовремя отдернул руку, но камень остался во рту черта.

Акилуре на это отреагировала мгновенно. Она с размаху зарядила черту по голове своей палкой. Черт, отлетев от удара, с грохотом брякнулся о стену. Из его рта пулей вылетел камешек и покатился по полу. Пест кинулся к камню и ухватил его в кулак, а Акилуре принялась избивать черта своей палкой.

Избиение черта, во время которого он успел проклянуть Акилуре до седьмого колена и каждое колено еще по разу, продолжалось несколько минут.

Сипло дышащая Акилуре, после того как черт исчез, села на лавку. Минуты две она ничего не говорила, стараясь отдышаться.

– Ох, и зарекалась я с чертями дело не иметь, но вот ты ж поди узнай, когда другого ходу не будет! – жаловалась она Песту, который так и сидел на полу с огромными глазами. – Глаз с пятаком чертовым подними и ко мне садись. – Старуха хлопнула рядом с собой по скамье.

Когда Пест поднял глаз и пятак, он сел рядом с Акилурой. Та взяла горшок и кинула в него и пятак, и глаз. Что-то прошептав над ним, она на него дунула со всей силы. От этого с горшка, словно со старой книги пыль, слетело черное облако. Она кивнула сама себе.

– На печи кусок ткани холщовой лежит. Возьми его и вдоль в три слоя сложи.

Пест послушно выполнил указание.

– Теперь на глаза себе повяжи, да так, чтобы света не видно было. Во-о-от! Теперь моя ворожба будет.

Акилуре принялась окунать палец в горшок и на том месте, где у Песта были глаза, рисовать круги, прочёркнутые двумя линиями. Затем она нарисовала ему знак на носу и щеках, после чего задрала рубаху и начертила большой знак на груди. Под конец она засунула смоченный отваром палец в каждую ноздрю Песта. Покопавшись в ярко-желтом отваре, она достала глаз и сунула его в рот Песту.

– Глотай! – Пест догадался, что у него во рту, и чуть было не срыгнул, но Акилуре вовремя ткнула ему пальцем в кадык, что заставило того проглотить. – Носом дыши и не вздумай обратно глаз отрыгнуть! Высеку!

Когда Пест продышался, она сунула ему под нос чертов пятак.

– Понюхай вот это! Чем пахнет? Яйцом тухлым?.. – Акилуре понюхала пятак, и ее брови поползли вверх. – Не углядела старая! Еще животом маяться не хватало!..

Она пару раз дунула на пятак и еще раз сунула его под нос Песту.

– Чем пахнет? Не пахнет? То-то же! Теперь жуй! Да не рыгай ты! Сладкий он!.. Ага! Не глотай его! Разжевал? Теперь выплюнь да понюхай!

– Снова яйцом тухлым пахнет! – сморшившись обронил Пест.

– Так и должно быть! Запомни запах этот. Так чертовская магия пахнет! Теперь проглоти это, да я тебе отвару сладкого запить дам. Только залом пей!

Пест с трудом проглотил разжеванный пятак и тут же получил в руки горшок с отваром. Выпив его залпом, он еще больше скучился и подавил в себе рвотный рефлекс.

– Горько, баба Акилуре!

– Знамо, что горько! Сказала б, что горький отвар, так ты б точно срыгнул или медлить стал. Все, Пестушко! Кончили мы с тобой ворожбу на сегодня.

– А повязку снять можно?

– Не можно! Пока видеть не научишься не глазами, а душою своей. – Старуха вытерла пот со лба и начала рассказывать Песту то, что они сегодня сделали. – Мы сегодня большое

дело сделали! С чертом дело сделали, хоть и норовил он юлить да козни строить, да в душу твою глаз с носом поселили.

– Баба Акилуря, а у души глаза есть?

– В твоей теперь есть. Приживется, так и увидишь, и запах почуешь. Сие зело нужная магу наука. Каждая магия свой запах имеет, свой свет и цвет. Каждая магия звучит – и звук-то разный. Немногие маги умеют глазами видеть магию, еще меньше носом чуять, но слыхивала я, что на юге маги слушать ворожбу умеют. У них и магия говорят красивая. Что не пламя – то цветок, а что не камень – то статуя искусствая. Ты уж носом клюешь! Спать ложись да повязку не сымай. Топчан с печи возьми.

– А ты про южных магов расскажешь? – спросил Пест, когда притащил на лавку соломенный топчан.

– Расскажу, отчего не рассказать? Живут они в городищах каменных...

– А Пикард рассказывал, что на юге лесов немае, а вместо них песок речной до горизонту. И ни рек, ни ручьев с родниками нет.

– Правду говорил! Приезжали к нам тамошние маги. Выкупить у государя водных магов хотели, да воспротивился государь-батюшко. В городище Ультака судачат, что, мол, разозлился государь на просьбу магов южных. «Не бывать тому, чтобы магов царства Гвинеи как кобыл породистых покупали!» Так говорят и сказал, а магов тамошних в шею с дворца гнал. Маги в столице еще неделю на постое жили да сманивать магов пытались из тех, кто водою владеет. Да не дал добро ни один! А сами маги южные почти все огнепоклонники. Есть и те, что ветру с землей наказ дают, но огнем они зело хорошо владеют. А перед тем как уйти восвояси ни с чем, попросили государю слово молвить. На коленях поклон били ему не по-нашенски да прощения просили. А на главной площади града нашего столичного, перед самым дворцом теперь человек из камня на коленях сидит. Камень тот не составной, а цельный. Намагиченный! Человек тот за грудь обеими руками держится, а лбом камня касается, которым площадь выложена. Перед головой той каждый день, ровно в полдень, цветок из огня распускается и шесть десятков ударов сердца держится. Вот такой подарок тамошние маги оставили. Говорят, что сей мужик из камня – это главный посол магов южных, а еще говорят, что маги водные со всей Гвинеи понехали по цареву указу в столицу да давай перед послами магией своей кобенисься, но правда то аль враки людские, не знает никто. Сам как вразумеешь? – спросила Акилуря Песта. Тот ничего не ответил, а мирно посапывал. Улыбнувшись, старуха погладила его по голове и, вздохнув, поплелась к печи, где через несколько минут так же мирно засопела.

– Стихия воздуха довольно нестабильна как в форме своей, так и в плетениях. Часто уже созданные плетения, пока еще не наполненные силой, начинают резко де... дефор... дефор-ми-ро-ваться... Баб Акилуря! – Старуха сидела у окна на полене, сложив руки на свою клюку. Глаза были открыты, но она не шевелилась. Поэтому Песту иногда было не понятно, спит она с открытыми глазами или внимательно его слушает. Сложность была еще в том, что глаза сплошь затянула белая пелена и ни зрачков, ни радужки видно не было.

– Деформируется... это когда дом косит, – пожевав губами, ответила она. – Вот стоял у Пикарда дом. Помнишь, как его по весне покосило?

– Помню! Как траву под ветром нагнуло!

– То-то же! Вот это и называют деформироваться.

– А как плетение выглядит? И на что похоже, когда деформируется оно?

– Тут уж я не знаю, Пестушко. Не видала я тех плетений и как маг настоящий ворожбу в открытую ворожит. Маг, как в силу входит, эти плетения в один миг создает, и увидать его мне единий не позволял. – Акилуря вздохнула, а Пест вдруг воскликнул:

– Белка! Баба Акилуря! Белка за окном! У самого пузыря бычьего!

Старуха тут же встрепенулась и строго рявкнула на Песта:

– Не кличь! Тихонько к двери подойди да отвори ее. Ежели белка послание от кого несет, то в дом она войдет да послание оставит!

Пест подкрался, как умел, к двери и приоткрыл ее. После этого он отошел и сел на лавку у стола. Спустя пару минут полной тишины в дом заскочила белка с желудем в зубах. Она побежала к старухе и положила в ее ладонь желудь, после чего соскочила на пол и умчалась через дверь на улицу.

– Подойди-ко мне. Ну-ка! Понюхай! Чем пахнет?

– Лесом хвойным пахнет и... запах знакомый, но вспомнить не могу. – Пест долго внюхивался в запах желудя. Он повторял действия старухи, которые неоднократно видел. Медленно втягивал запах через нос, а когда лёгкие наполнялись, он отстранялся и резко выдыхал через нос, словно соплю высмаркивал.

– Ну, и что вразумеешь?

– Я так вразумею! Это от лешего нашего послание, но что в нем, не вразумею. То, что он к себе зовет, ясно, но что случилось...

Акилура поманила к себе пальцем Песта и, когда тот нагнулся, звонко щелкнула пальцем ему по лбу. Пест тут же отстранился и принялся тереть лоб.

– Леший – это дух лесной, который силу набрал да люд по лесу гоняет. То морок повесит, то зверя голодного на люд наведет! Неразумный и злой дух! – Акилура положила на пол желудь и ударила по нему своей клюкой. Внутри оказался обычный орех. Она не переставала наставлять Песта. – А у нас хозяин леса! Этот дух за порядком в лесу следит и на голову сильнее лешего. Сам он лесных гоняет и не любит их зело! Хозяин леса – дух не злой, но сварливый. И ежели ты его лешием обзовешь, то зло на тебя затаить может. Тогда удачи в лесу не ищи! Все поляны ягодны обходить по кругу будешь, зверя в лесу встретить можешь, а то и совсем заплутать! Понял?

– Понял, баба Акилура!

– То-то же! Глянь на пол! Орех внутри желудя гнилой?

– Нет. Как обычный!

– То, что от хозяина леса послание, это ты верно сказал, а желудь он передал, а не кедрову шишку, потому что на юг идти надо! В окрестностях у нас нет дубов. На юге все они. Ежели бы для селения было опасно, то желудь внутри гнилой был бы, а так получается, что случилось чего, но для села опасности нет.

Старуха поднялась и, держась за клюку, начала брести к выходу, шоркая ногами по полу.

– Вязку на глаза возьми! Пойдем, глянем, чего хозяин леса в лесу своем увидал...

Спустя десять минут они неторопливо вышли за околицу, а через полчаса дошли до начала южного леса. Акилура всю дорогу расспрашивала, что видит и слышит Пест. На его глазах красовалась все та же повязка, а перечеркнутые круги на ней были на месте глаз.

– Ну, а когда с отцом на торжище ездил, на медвежий клык лазил?

– А тож! Лазил и до самого верху добрался!

– Хозяина ветра тамошнего чуял?

– Чуял, баба Акилура! Морозцем он пахнет! Так на улице пахнет, когда снег под ногами хрустит и холодно так, что зуб на зуб не попадает, а нос с ушами того и гляди отвалятся!

– Верно толкуешь! Но с тем духом сторожись всегда! Он на подъем легок да за любое дело берется. А вот кончить свое дело редко когда может. И не в духе самом дело и в нем тут же. Такова природа его и по-другому он не может. Может начать гонять тучи градовы прочь и тут же забыться так, что с севера снежные принесет! За ним глаз да глаз нужен! Никогда не забывай про то, если наказ ему дал!

Зайдя в глубь леса, старуха с молодым парнем остановились. Странная процесия из слепой скрюченной старушки с клюкой и парня с завязанными глазами начала осматриваться.

Первой не выдержала старуха и хлопнула в ладоши, издав громкий звук, от которого птицы с верхних веток взмыли вверх.

– Ну и чего ты опять шумишь? – послышался шепот от куста в двух шагах от Песта. – Тут я! Сама ведь знаешь!

– Чего звал? Аль нашел в лесу, что на торг поставить? – спросила Акилуря, обращаясь к кусту, от которого послышался шепот. Мальчишка повернул голову с завязанными глазами к кусту и увидел лицо, которое складывалось из листьев. «Взгляд души» получался еще плохо, и видел он всего на несколько метров вокруг. Сами листья, да и цвета он еще не видел. Только чёрно-белые контуры предметов.

– Не было б, не позвал! Что в обмен даешь?

– Хлеба краюху, силой испачканной!

– Сырой?

– Оной самой! Торг?

– Торг!

– Пест! Ты в краюху силу дара своего помести. Делай, как я с камнем тебя учила, а мы поговорим покамест.

Старуха отошла на несколько метров и начала общаться с травой под ногами, которая шевелилась, словно что-то отвечая. Пест в это время достал краюху хлеба и принял повторять упражнение, которое изучил еще с тех времен, когда учился владеть камнем, что подарил маг, остановившийся у них в селе на постой.

– Готово, баб Акилуря! В краюху хлеба больше дара не вмещается! – воскликнул Пест пару минут спустя. Старуха, услышав крик Песта, начала возвращаться к нему, бросив на ходу:

– Услышала я тебя. Ты хлеб к кусту протяни, а его он уже сам возьмет.

Пест протянул руку с хлебом к ближайшему кусту. От куста потянулись ветки, и, подхватив хлеб самостоятельно, он начал совать его целиком в рот, который тут же сформировался из листьев. Лицо на кусте лучилось удовольствием, а сам хлеб в виде крошек падал на землю.

– Негоже, баб Акилур, хлеб на землю бросать!

– В лесу можно, но только хлеб аль другие угоженья для хозяина леса. Сам он пищу мирскую не ест, а вот зверь мелкий какой аль птица едят. Зверь сыт и другого зверя не ест. От того и хозяину леса радостно. Зверья много? Значит, и сила его больше. А коль слишком зверья разведется, то голодно им станет скопом. Тогда они все подряд есть начнут и сила хозяина леса меньше станет. Ни ягод в лесу не останется, ни грибов.

– Услыхал я тебя, баба Акилуря, – задумчиво произнес Пест.

– А дело у нас будет непростое. – Старуха подошла к мальчишке и провела по лицу шершавой ладонью. – За дело это я прощенья у тебя прошу, Пестушко, но без этого нельзя с духами общаться и жить по правде... Двенадцать зим всего отмерял, и рано тебе такое знать, но чую я, что нельзя тянуть... Пора... Ходь за мной след в след и не вздумай повернуть.

Акилуря повернулась и пошла прочь от Песта. Тот тревожно покрутил головою и пошел за ведуньей след в след.

– Веди, лесной хозяин, веди... – бормотала себе под нос старуха, а Пест старался не замечать, что мимо него несутся контуры деревьев и кустов. Он изо всех сил концентрировался на ногах ведуньи и наступал туда, где была ее нога. В конце концов, спустя несколько минут Акилуря остановилась.

Они стояли на краю поляны. У Песта не получалось взглянуть в глубь поляны. Впереди было словно облако черное, которое скрывало центр поляны. Пест по привычке, привитой Акилурой, начал медленно втягивать носом воздух. Не прошло и пары секунд, как он замер, словно громом пораженный. Он даже дыхание затаил.

– Что чуешь, Пест? – спросила старуха его, но не получила ответа. Пест стоял замерев, а повязка на глазах начала мокнуть. Акилуря подошла к Песту и погладила его щеку, по кото-

рой уже текли слезы. Почувствовав влагу на руке, она поднесла руку к лицу и попробовала языком. Замерев от осознания того, что это были слезы, она несколько ударов сердца не отвела руку от лица.

– Черный бок… – еле слышно произнес Пест. Сглотнув, он продолжил шепотом говорить: – Я запах узнал. Так наш пес пах, когда мы его нашли. Он чумку подцепил и в околице помирать не стал, а ушел прочь от села… Это смерть так пахнет?..

– Ты прости старую, но ты это знать должен. Так пахнет смерть, когда в муках умерло живое. – Акилуря молча постояла, но затем сиплым голосом произнесла. – Нам с тобой в черное облако войти надо, Пестушко…

– Не хочу, баба Акилуря!.. Единым молю, давай не пойдем туда? – Пест шмыгнул носом и утер его кулаком.

– Надо, Пестушко… Надобно дело доделать… Ты за мной след в след иди. Чтобы ни видал ты там – не вздумай слово молвить, только ко мне обращайся. Чтобы не увидел ты – не беги! Коль худо станет совсем – меня за руку возьми! Вразумел?

– Вразумел! – Пест еще раз шмыгнул носом и кивнул головой.

Они пошли потихоньку. Слепая скрюченная старуха с клюкой и мальчишкой с повязкой на глазах. По мере продвижения в глубь черного облака Пест начал морщиться. Запах становился нестерпимым и сам лез в нос. Они прошли почти всю поляну насквозь, когда Пест начал различать неровные силуэты. По мере приближения они становились все четче, а когда подошли на расстояние в несколько шагов, до Песта начала доходить картина, что тут произошла.

Прямо перед ногами Песта лежал размытый контур девушки с толстой, длинной косой. Девушка лежала на земле в неестественной позе на боку. Лицо было открыто, и Песту были видны приятные черты лица, но так как все вокруг было чёрно-белым, он не видел глаз. Лишь темные провалы на их месте. Рядом с этой девушкой сидела на земле точно такая же девушка. Он еще раз взглянул на лежащую девушку и на ту, что сидела. Мальчишка готов был поклясться, что это была одна и та же девушка. На девушке не было заметно одежды. Ни на одной. Девушка, которая сидела, поджав ноги к груди, раскачивалась взад и вперед. Взгляд ее не отрывался от той, что лежала. По крайней мере Песту так казалось.

– Обойди ее, – еле слышно произнесла Акилуря.

Пест послушно начал ее обходить. Зайдя со спины лежащей девушки, он впервые увидел что-то цветное. Это была кровь.

Все ягодицы девушки были в крови, а на спине, у правой лопатки, была большая глубокая рана, из которой под девушкой натекла небольшая лужа крови. В ране виднелись красные мышцы и белая кость позвоночника.

Песта стало потряхивать. Руки мелко дрожали, а сознание отказывалось принимать то, что предстало перед его взором-душой.

– Худо мне, баба Акилуря! – прохрипел Пест. Ведунья не сказала ни слова. Она подошла и взяла руки Песта, положив их себе на правое плечо.

– Делай упражнение, которое с камнями делал! Только теперь думай, что по капле в меня силу вливаешь! Делай! Легче будет! – Старуха сделала пару шагов к сидящей девушке и, приблизившись, погладила ее по голове. – Деточка! Как тебя звать?

– Я не помню… – ответила девушка всхлипывающим голосом.

– Мы вот в царстве Гинея живем. Самая большая река в округе Уль, а наше село зовут Село Ведичей. Отрок вот из рода Подова. А как твое село кличут?

– Куприяны мы…

– А род твой как зовут? – Акилуря продолжала гладить сидящую девушку по голове, выспрашивая ее.

– Калимов род мой… – всхлипывая произнесла девушка.

– А кто с ней это сделал, знаешь? – Старые морщинистые руки с набухшими пальцами указывали на лежащую девушку. Пальцы мелко дрожали. Девушка не ответила, а принялась завывать и с еще большей силой раскачиваться.

Акилуре отстриналась от девушки и обратилась к Песту:

– Повязку сними, Пестушка.

Пест послушно снял повязку и увидел, что они находятся на краю поляны в высокой траве. Под ногами изломанной куклой на боку лежала девушка. На спине была огромная, запекшаяся рана, но спина в крови перемазана не была, а вот ягодицы напротив были перемазаны в крови.

– Что сказать можешь?

– Дурно мне... – прошептал Пест и тут же срыгнул желчь на землю.

– Знаю! Ты глазами смотри и, что видишь, мне говори!

– Девица мертвая лежит... Одна... – Пест умолк, не зная, что еще сказать.

– То и без молодого глаза ясно. Вторая – это душа ее. Трава рядом примятая?

– Не примята.

– Значит, тут ее не валяли. Что еще видишь? – Акилуре пыталась унять дрожь, взявшись за клюку обеими руками.

– Ягодицы ее в крови и на спине рана большая, рубленая. Топором такую не сделать.

– На ягодицах кровь со спины набежала, или нет? Как вразумеешь?

– Не со спины то кровь и светлее она той, что на спине.

– Насильничали значится... и не тут. Трава не примята, а рана та не от топора – это ты верно вразумеешь. От меча она. Кто с мечом ходит?

– Только благородного рода люд... – сглатывая слону, ответил Пест. Его живот снова сводило судорогой. – Дурно мне, баба Акилуре!

– То, что дурно, я вижу, – сказала Акилуре, хмурясь. – Хозяин лесной! Девку к себе прибери. Все едино тебе хлеб, да мертвому покой...

В этот же миг трава зашевелилась и разошлась под ней. Девушка осталась лежать не на примятой траве, а на сырой земле. Тело девушки начали обвивать корешки, и уже через минуту она совсем скрылась, оставив после себя небольшой холмик.

Акилуре с Пестом направились в обратную сторону. По дороге Акилуре начала наставлять Песта.

– Ежели человек в муках помер, да пуще того – не своей смертью, тогда его на капище сельском хоронить опасно. Каждый раз, когда будешь предков звать, дух мученика явиться будет. Он и грусть с тоской навести может и в тебя со злости вселиться. Потому сошлись на том мы со старостами, что ежели за околицей помер человек – мы его на капище предков не хороним. Но в лесу аль у дороги кого найдем – всех в землицу закапываем. Всяко бывало, да и по сей день у Дорожичей дух на капище живет. До того злой был, до того месть любил, что жизни ему после смерти спокойной нет. Все норовит роду кузнечему козни строить.

– Баба Акилуре, а со второй девкой, что стало? – Пест утер нос, шмыгнув.

– В царство мертвых отправилась...

– Почему мы на могиле девки той знак единого не поставили? – В голосе Песта царили нотки безразличия.

– Не ставят таких знаков за околицей. Если придет колдун да ворожбу свою темную на могиле сотворит, то через луну оттуда ходячий мертвец поднимется. А так нет могилы. Один холм. Поди разбери, кто тут лежит.

Пест почти всю дорогу молчал, а старуха все старалась отвлечь на себя внимание и переключить Песта с грустных мыслей. Когда они подошли к лесу, Акилуре обернулась и обратилась к Песту.

— Уж прости меня, Пестушко, что детство твое забрала, но так надо было. Нет у тебя права не на беготню дворовскую, ни на жизнь праздную. Такова доля твоя. За тобой люд стоит, и от тебя зависеть будет, переживем зиму аль единому души отдадим.

— Что ж сразу помирать-то? — спросил Акилуро Пест. Лицо не выражало никаких эмоций, а взгляд упирался в землю у ног.

— С голоду помирать, Пестушко, когда град все поля побьет, или солнышко наше разойдется и урожай пожжет, или хворь на побеги какая найдет да так, что собирать тамо нечего будет. От люда лихого тоже народ мрет. Не со зла тот люд лихим становится. Чаще с голоду да холоду резать других решаются. А зимою зверь голодный шастает. И не все то просто зверь! Есть и волки, что на двух лапах ходят, есть и медведи. А бывает, что зверь ворожбой пачканый. Лютый то противник. Ты помнить сам должен, когда к нам последний раз такой забредал в зиму. Тогда десяток мужиков костьюми легло, чтобы село сохранить. Как тут не помереть-то, Пестушко? Без тебя аль меня село долго не протянет. Понял?.. Ну, а коли так, след в след за мной ходь. До дому идти надобно. Старoste смердящу весть передать…

В доме Песта всегда было шумно, но сейчас слышалось только бряканье посуды у печи. Сам Пест сидел у стола и своим ножом вырезал тонкие полоски кожи из крупного куска. Из-за печи послышалась возня, а спустя пару секунд оттуда вылезла маленькая девочка. Девочка на вид была лет пяти и одета в рубаху. Она была ей велика. Рукава закатаны, а сама рубаха доходила до щиколоток. Русые волосы спадали на плечи, слегка завиваясь, а зеленые глаза и приятные черты лица уже не намекали, а просто вопили, что вырастет из нее красавица.

— Мама! Вот! — Девочка протянула четыре крупные луковицы женщине, которая что-то делала у печи.

— Тут положи, а сама возьми картошку с подполья да почисть, — бросила женщина, не отрываясь от своих дел.

Девочка кивнула и побежала в угол комнаты, где сдвинула крышку, уводящую в подпол, и скрылась там. Спустя минуту она показалась оттуда, неся с собой пару картофелин. Она подошла к столу, за которым сидел Пест, и выложила картофелины. После этого побежала к люку, шлепая босыми ногами, и снатугой сдвинула его.

— Пест, а ты что делаешь? — спросила девочка, когда уселась за стол и начала чистить картофелины.

— Отцова наказ делаю. Ножны для ножа, который сам выковал, — не отвлекаясь от своей работы, ответил Пест.

— А-а-а. Ясно… — Девочка немного поелозила на скамейке и мельком глянула на хмурого брата. Она открыла было рот, но не произнесла ни звука, увидев его сосредоточенное лицо. Вздохнув и вроде бы ни к кому не обращаясь, она произнесла: — А Килим говорил, когда мы по щавель на луг ходили, что Акилуро прокляла тебя!

Пест не отвлекся от своей работы, а лишь мельком взглянул на деловое лицо сестры. Он отрезал еще одну ровную кожаную полоску и, отложив нож, спросил сестру.

— С чего бы это?

— А ты уж седьмой десяток дней не улыбаешься и смурной ходишь. И на улицу тебя не выбнать, даже в палки не играешь! Вот и думают, что прокляли тебя. — Девочка продолжала чистить картошку, причем нарочито медленно.

— Не проклинала она меня. Так всем и скажешь.

— А чего ты смурной такой тогда ходишь? — Девочка оторвалась от своего занятия и постаралась заглянуть в глаза Песта, но тот отвел взгляд и принялся собирать кожаные полоски.

— Мала ты, чтобы знать такое. Не к чему оно тебе.

— Лита! Лита, ты картошку почистила? — послышался голос от печи.

— Почистила! — Девочка подхватила почищенные картофелины и побежала с ними к печи. Когда она отдала их, прибежала и собрала очистки, отнеся их в корзину. После этого она начала приставать к матери.

— Мама, а можно я с Пестом посижу!

— Можно, но от наказа отцовского не отвлекай! — через плечо бросила женщина, нарезая картофелины.

— Пест! Пестушка! — шепотом обращалась Лита к брату, усевшись рядом с ним. — Покажи огонь, а?

Пест взял в руки дощечки, засуженные с одной стороны, и, составив их вместе, принялся сплетать на них кожаные ремешки в довольно сложном узоре.

— Не можно в доме огонь ворожить! — Пест взглянул на Литу, у которой лицо моментом приобрело расстроенное выражение. — В доме огонь только в печи жить должен! Не то до пожара недалече!

— Пестушко, так я ж кострище не прошу! Я во-о-от такусенький огонек прошу! — Девочка показала пальцами совсем маленькое расстояние, в сантиметр.

Пест посмотрел на ее обиженную физиономию и вздохнул.

— Чашку с водой принеси! Будет тебе ворожба!

Девочка пулей выскочила из-за стола и понеслась к печи.

— Куда миску потащила?! — Женщина ухватила Литу за шиворот.

— Пест ворожбу показать обещал! Миску с водой попросил! — Девочка указала на Песта. Мать взглянула на него, и тот кивнул.

— Коли надо, то бери, — сухо ответила женщина.

Девчонка подбежала к столу и поставила перед Пестом миску с водой.

— Огонь ворожить не буду! Не можно в доме такое делать! — Пест отложил свое вязание кожаными ремешками в сторону и подвинул к себе миску. Он закатал рукава и поставил их так, чтобы ладони были над миской.

Женщина в это время закрыла большой горшок крышкой и ухватом поставила его в печь, закрыв ее заслонкой. Она распрямилась, утерев рукой лоб, и, закинув прядь волос назад, повернулась к столу. Сомкнув руки на груди, облокотилась на стену, наблюдая за Пестом.

В это время на поверхности глиняной миски с водой начал появляться бугорок. Он несколько секунд рос, а после этого из миски поднялся небольшой шарик воды. Он висел в воздухе над поверхностью воды между руками Песта. Лита при этом слегка ахнула. Она во все глаза глядела на шарик над поверхностью воды. При этом не шевелилась, словно боясь спугнуть. Даже дыхание затаила.

— Теперь внимательно смотри! — сказал Пест, мельком глянув на Литу. Он начал понемногу разводить руки в стороны, и шарик стал реагировать, раздуваться и превращаться в пузырь. Когда шарик набрал размеры с кулачок Литы, Пест начал багроветь. На лбу выступили капельки пота. Затем Пест набрал полную грудь воздуха и, вытянув губы в трубочку, принялся дуть на шарик. Шарик мгновенно заледенел, но Пест не прекращал дуть, пока был воздух в груди. На столе, в том направлении, куда он дул, образовался иней. Когда Пест выдохнул до конца, он опустил руки, а шарик плюхнулся в воду.

— Все вышел! — глубоко дыша, произнес Пест.

— Какой красивый! — Девочка уже подползла к брату и уставилась на ледяной шарик, плавающий в тарелке. — Можно в руки взять?

Пест кивнул и заметил мать, которая внимательно и заинтересованно смотрела на Литу, крутящую в руках ледяной шарик. Шар был ярко-голубой и имел на поверхности ледяной рисунок. Он был похож на тот, что бывал на окне старости. Стекло на окнах было только в его доме.

– Мама! Смотри, какой Пест шарик наворожил! – Лита подбежала с шариком к матери, положив тот ей в раскрытую ладонь. – Правда красиво?

– Очень красиво! – со вздохом произнесла мать, улыбаясь и смотря через него на свет окна. – Ежели подарок это тебе, то тебе и за братом следить! Теперь дёргай его аль на улицу веди, чтобы не уснул. А то смотри! Он уже носом клюет! На вот. Хлеба краюху ему скорми. Как до околицы дойдете да обратно вернетесь, уж и обед подоспейт.

Лита схватила кусок хлеба, ледяной шарик и побежала к Песту.

– Пойдем, Пестушка! Тебе спать нельзя! Акилуря так велела и мама наказала! На вот, поешь! – Маленькая девочка тянула Песта за рукав, заставляя встать.

– Пойдем… – Пест с трудом поднялся и потер лицо ладонями.

Взяв краюху хлеба и принявши ее жевать, он вышел из дома. Вместе с сестрой он шел к околице селения, а та донимала его вопросами.

– А ты всем повелевать умеешь?

– Нет. Только огнем, землей и вот водицей научился.

– А ты можешь реке наказать? Так, чтоб она в обратную сторону потекла?

– Зачем?

– Ну…

– Рог барай гну! Ворожба не для того людом ворожится, чтобы силу свою показать да умением мериться. Она люду служить должна! Реку вспять повернуть! Как тебе в голову такое упало? – начал ворчать на сестру Пест. Та сразу сникла и еще раз взглянула на ледяной шарик в руке, а брат продолжал ворчать на нее: – Ежели я реку вспять поверну, тогда она в горы потечет. Уль, он в Воржа впадает, а значит, вода из него браться будет. Обмелеет Ворж – что делать тамошние рыбаки будут?

Лита шла некоторое время молча, зажав руками голубой шарик.

– Пестушка, а почему шарик не тает? Холодный он, изо льда. Тепло же на дворе!

– Потому, что ворожбой он созданный. Как ворожба кончится – так и растает он. И не важно ему, тепло ли будет аль холодно.

– А когда она кончится? – Лита с грустью взглянула на голубой шарик.

– Последний три дня протянул. Ты мне завтра перед сном напомни. Я еще раз на него дуну. Тогда дольше должен продержаться, но смотри! Сама еду у матери просить будешь!

Так за разговорами они уже подошли к околице. Оставалось пройти землянку Акилуре. Проходя ее, Пест услышал скрип двери землянки. Обернувшись, он увидел Акилуре с клюкой и вязаным платком на плечах.

– Ага! Пришел уже значится! А кто с тобою? – прокаркала старуха. Принюхавшись, она начала говорить. – Дело есть. Скажи отцу, что к Дорожичам мы с Пестом направились.

– Сестра это моя, Лита, – громко ответил Пест. Потом до него дошло, что и без него Акилуря уже во всем разобралась. Наклонившись, он прошептал сестре: – Ремешки кожаные и ножны начатые под мою лавку спрячь! Матери скажи, что обедать не буду. Все! Бегом беги!

Лита кивнула и умчалась, сверкая голыми пятками, к дому.

– Что за дело у Дорожичей? – спросил Пест, подходя к Акилуре.

– Вести галка на хвосте принесла. – Акилуря протянула Песту перо птицы. Тот оглянулся и, увидав галку, сидящую на крыше землянки, кивнул собственным мыслям. – Ну-ка! Как прочтешь?

Пест взял в руки черное перо и начал его осматривать. По форме пера он понял, что перо не из хвоста. Он нахмурился и начал обнюхивать перо.

– Не вестово это перо, баба Акилуря! Да и не галичье оно. С ворона, поди? Маховое?

– Эко зоркий какой! – Акилуря улыбнулась беззубым ртом и начала копаться за пазухой. Оттуда она достала с виду такое же перо, протянув его Песту.

Пест еще раз осмотрел перо, а затем взглянул на галку, что сидела на крыше землянки. Стараясь поймать ее взгляд, он сжал зубы и издал негромкий звук: «С-с-с-ык!» Галка после такого вспорхнула и улетела прочь. Пест проводил ее внимательным взглядом и только после этого начал обнюхивать перо. Он достаточно хорошо разглядел хвост галки и отсутствие одного пера.

– Вона как! – выдал удивленно Пест, после того как, закрыв глаза, еще раз обнюхал перо. – Перо вестово. От Дорожичей. Помохи они просят. Не справляется повитуха их. Роженица разродиться не может.

– Двенадцать зим... Неужто уму-разуму набрался? – ехидно спросила Акилуря.

– Уму аль разуму, то дело покажет, – с серьезным лицом ответил Пест. – Сборы будут, аль так пойдем?

– Раньше бы с собой корзину со снадобьем взяла, а коли ты есть с силой сырой – можно и так обойтись, – задумчиво протянула старуха. Пест взглянул на нее и ничего не ответил. Он молча пошел в ее землянку. Отворив ее, он увидел на пороге корзину с горшками. Быстро проверив все горшки и сверток с едой, он взял корзину и направился к ведунье. Та встретила его улыбкой.

Несспешным шагом дойдя до леса, старуха остановила его. Всю дорогу они молчали, а когда дошли, старухе удалось выдавить из Песта эмоции.

– С хозяином лесным сам договоришься, – обронила она. Пест удивился и немного замешкался. Замешательство было недолгим.

– Сам, так сам. – Пест снова нацепил маску безразличия и подошел к ближайшему кусту. – Лесничий-дружочек, возьми пирожочек...

С минуту Пест повторял как мантру слова, вбитые Акилурой. Пока он повторял стих, успел достать рыбный пирог из корзины и положить его рядом с кустом. Хозяин леса все не появлялся, и Пест начал хмуриться. Замолчав на полуслове, он достал из-за пазухи свою повязку. Он осмотрел ее и, найдя два перечеркнутых круга, повязал ее на глаза, покрутил головою и вздохнул. После этого потер ладони и хлопнул. Звук, как и при хлопке Акилурьи, вышел оглушительный. Он разнесся по лесу, спугнув стаю птиц.

– Не по чину шуметь тебе в лесу моем! – послышался голос от куста.

– Силы тебе земли для ягод и грибов твоих да роду плодовитого для зверья твоего, – сказал Пест, поклонившись кусту. – Не серчай, хозяин, что шумлю. Не набрался я силы, чтобы твой взгляд да твое ухо чуять. Потому и шуметь начал.

– И тебе силы, наследник акилурровский! С чем пришел? – Лицо из листьев на кусте улыбалось, а зрачки в глазах, которые изображали красные ягодки, все норовили скоситься на пирог, который лежал перед ним.

– Тропа твоя нужна нам к селу Дорожичей и обратно.

– Не можно тебя на тропу пускать! Не было слова, чтоб Акилуря тебя ведуном назвала!

– Ты же водил меня по тропе!

– Ты не путай! Тогда сама Акилуря торг вела! А с тобою не можно!

– Ну, не можно, так не можно! Я-то думал магией водицы тебя умаслить, – безразлично сказал Пест и пожал плечами. Подойдя к кусту, он поднял рыбий пирог, откусив от него. Сам же в это время начал наполнять пирог силой воды. Медленно и неторопливо.

– Так с того начинать надо было! – проворчало лицо из листьев. Глаза-ягоды забегали, а нос зашевелился. – Ты погоди пирог-то жевать! Возьмусь я за то дело!

– Торг? – спросил Пест, глядя на хозяина леса.

– Торг! – принял условия тот.

Пест принял усилиенно наполнять рыбный пирог силой воды, а хозяин тем временем обратился к Акилуре:

– Ох, и лис, твой ученик! Знамо, чем подкупить! Ты науськала?

– Нет. То он своим умом дошел! – улыбаясь до ушей, ответила Акилуря.

– Ну коль сам, то впору мне стеречься его.

Пест протянул пирог к кусту. Из него вытянулись ветки, подхватившие пирог и унесшие в глубь куста.

– А есть его не будешь, что ли? – спросил Пест, приподняв одну бровь.

– Хех! Молодой еще! Нет в округе мест силы магии водной. Тяжко в засуху мне лес пристойно держать. Я твой пирог приберегу.

– Дело твое. Веди, хозяин леса! – скомандовал Пест и почувствовал руку Акилурь на плече.

– Ты быстро не иди! Не поспеть мне за тобой, – услышал он над ухом голос Акилурь. – Я за тебя держаться буду.

Пест кивнул и мелкими шагами пошел вперед, стараясь подстроиться под Акилурь…

Старуха шаркала ногами по траве, опираясь на свою клюку. Рядом с ней шел Пест. Они вышли на поле, с которого была видна околица села Дорожичей. На заборе стоял мальчишка. Он поднес руку к лицу, прикрываясь от солнца. Сам же мальчишка смотрел в сторону ведуны и ее ученика. Как только высокая трава закончилась и Пест с ведуньей вышли на простор, он спрыгнул с забора и убежал в дом. До Песта дошел крик мальчишки, но что тот кричал – он разобрать не смог.

– Село Дорожичей начало свое берет от конного переезду. Еще до того, как шаманы севера наших магов обучили за горизонт шаг делать.

– Это как так? – Нахмурился Пест.

– Шаманы с севера зело хорошо умеют сие. Как уж делают они, того не ведаю, но ворожить они умеют так, что, сделав шаг один, ты за горизонтом оказываешься. А когда еще вражда с ними была, гонцы по Гвинеем лошадные разъезжали. На дорогах тогда были конные переезды. На них гонцы меняли лошадей, а коль устал зело гонец, то и отдыхал тамо. Вот и стали Дорожичи с такого переезда свое село вести. На таком переезде всегда должен быть кузнец, чтобы коня подковать да упряжь править. От того и в Дорожичах кузнечий род ведется, – Акилуря говорила медленно и с перерывами. Иногда она останавливалась, чтобы отдохнуться. – Потому и Дорожичи, что у дороги живут.

– Баб Акилуря, а сейчас почему они не на тракте торговом живут?

– А как гонцов не стало, так и не платит государь им деньги. Не за что платить им стало и со службы их погнали. А тогда уже конный переезд в два десятка домов был. Уж село целое. А как гонцов не стало, то и разъездов конных с воями по государеву указу извели. Вот тогда и повелся люд лихой по тракту шастать. Тяжко Дорожичам было, много мужиков полегло. Вот и ушли они в сторону от тракта. Купчины, кто с востока товар везет, про место Дорожичей знают и на постой заезжают. Коней накормить да воям своим передохнуть дать. Сам поди видал?

– Видал то я, пока в учениках был у Трипона! Два десятка телег и вои все в броне стеганой. Одного воя видовал. У него броня из металла была и щит был, но оружие на копье похоже.

– Вот то и был караван купечий. Они с востока идут в царство наше да соль с медью везут. А обратно наше полотно везут. Говорят в Ультаке, что на торжище все полотно скупают. Даже холщовые куски, что только на мешки годны, и те скупают.

– Видать, тugo у них с ткачами…

– Поговорили и будет, – оборвала Акилуря Песта, видя, что к ним идет староста Дорожичей. – Пока дело делать не станем – помалкивай!..

Спустя несколько часов в доме кожевника села Дорожичей

Пест сидел на голом полу, прислонившись спиной к стене из струганых бревен. На его глазах была та самая повязка, а на лице царила счастливая улыбка. Рукава были закатаны выше локтя, а руки перепачканы в крови. В комнате царила тишина, изредка прерываемая чмоканием и расстроенным плачем.

Он наблюдал за роженицей, которая устроилась полусидя на двух составленных вместе лавках. На каждой ее груди висело по свертку, в котором было по новорожденному ребенку.

— Перевел дух? Тогда собирай послед! — Акилуря сидела рядом на лавке и тяжело дышала. Ей роды тоже дались тяжело. — Надобно удостовериться, что последа внутри не осталось. Иначе мать кровью изойдет. Нечего рассиживаться!

Пест спорить не стал, а подошел к ногам роженицы и собрал ткань, перепачканную в крови. С этим свертком он уселся рядом с Акилурой на лавку и принялся копаться в кровавом месиве. Даже за столь неприглядным занятием с его лица не сползала улыбка.

— Отец — мужик крупный, и сыновья в него. Богатыри вырастут, но тот, что первый с матери показался, шкодник еще тот будет! Видел, как ногами баражать стал, на свет появившись?

Пест в ответ кивнул.

— То-то и оно! Ну? Сложил пузырь последовый?

— Сложил, баба Акилуря! Все здесь!

— Ну, коль сложил, то пойди к отцу. Весть добрую ему скажи.

Пест поднялся с лавки и, еле волоча ноги, побрел к двери на улицу.

— Пестушка! — позвала Акилуря. Пест обернулся, а старуха, улыбаясь беззубым ртом, спросила: — Чуюл, как дитятки пахли?

— Чуюл, баба Акилуря! Медом пахли и периной свежей.

— Помни этот запах, Пест! Когда трудно будет аль печаль зеленая найдет, ты его вспоминай! Зело помни! Так свет и жизнь пахнет... — Акилуря глубоко вздохнула носом и уже тихо добавила: — До сих пор пахнет... А ты, Пест, хлеба возьми со стола да молока крынку. Еще не хватало после дела немалого в обмороке валяться на людях!

Пест взял небольшой кувшин молока со стола и хлеб. Выйдя на улицу, он уселся на крыльце, рядом с хозяином дома и отцом детей. Мужик был огромный. С широкими плечами и огромными кулаками. Он взглянул на Песта, жующего хлеб, и хотел было что-то спросить, но не стал, терпеливо ждал, пока Пест доест хлеб и допьет молоко.

— Двое... Два наследника. Оба крупные, в тебя. Тяжело матери было, но сдюжила! — Пест повернул голову к мужику, который улыбался до ушей. — Уж как, не знаю, но наследство на двоих тебе собирать! Кто первым вышел, все одно не скажем, ибо помогали им мы. Не так вышло, как на роду писано было...

— Пока жив буду — не забуду! — сказал мужик и обнял Песта в стальные объятья. Тот не сопротивлялся, но на самое ухо прошептал ему:

— Ты за ними зорко следи! Один шкодник будет, что не прдохнуть! Кабы не натворил чего.

— Зело мудрый ты, Пест! Не по годам ум твой да знания! — Мужик отстранился и, взглянув на Песта в повязке, сказал: — Возмужал ты с Трипоновой учебы! Возмужал...

— Сопли, коли в носу держать не сдюжите, на кулак мотайте! — Услышали они каркающий голос Акилурьи. Обернувшись, Пест увидел ее стоящей на пороге. Она хмыкнула и с брезгли-

востью произнесла: – Мужичье!.. Пест, ты снадобья собери в корзину, да в обратный путь пойдем. Нам сегодня еще глав родовых собирать.

Пест послушно поднялся и побрел в дом. Мужик также поднялся и зашел в дом, сразу бросившись к супруге. Пока отец рассматривал детей и целовал жену, Пест собирал в корзину горшки. Туда же он сложил жареную рыбеху, лежащую на столе, в ладонь длиной, предварительно обернув ее в кусок ткани, которая осталась от рыбного пирога. Слушая хмыканья и восклицания отца детей, он не переставал улыбаться.

Выходя на крыльцо, он обнаружил Акилуро. Она стояла у крыльца, оперевшись на свою клюку. Песту показалось, что она стала даже немного прямее.

– Пойдем потихонечку до родных краев.

Не успели они выйти из ограды дома, как им навстречу вышел староста. Почти подойдя к нему, их нагнал кожевник села.

– Акилуро! Погодь чутка! – Подбежав к ведунье, он протянул ей серебрушку. – Мы с жинкой расторговались нынче с купчинами с востоку. Знаю я, что немного, но уж чем могу, как говаривают.

– Не мне то платя! Пальцем я не шевельнула. Пест дело делал, а я языком трепала да наставляла его, – с прищуром произнесла она.

– Тогда ты, Пест, возьми! Не побрезгуй!

Пест снял повязку и взглянул на протянутую монету.

– Серебрушка-то государевой чеканки!

– Не возьму серебрушку. И долг с тебя тоже не возьму. Я, когда у Трипона учился, с меня деньги тоже никто не взял и долга слово не молвил. – Пест вздохнул, почесав затылок. – А коль на душе неспокойно, то вона, старосте отдан. Скажи Песту на учебу ворожбе маговской.

С этими словами они оба обернулись и пошли мимо старости. Когда они проходили мимо него, Акилуро бросила на ходу, не останавливаясь:

– Двойня! Здоровые богатыри! – заметив лицо старосты, она добавила: – Жинка живая! Знака жди! За кузнецом и кожевником галку пришлю!

Староста улыбнулся и поклонился им в спины, которые направлялись в сторону леса...

Родной дом Песта. Во время обеда

Отец Песта сидел за столом и вертел в руках незаконченные ножны, которые оставил Пест. Отец вернулся рано, и Лита не успела их убрать. Сейчас же он разглядывал непротянутые узлы кожаных ремешков и хмыкал, удивляясь их сложности.

— Эко как накрутил! — бормотал он себе под нос. Перед ним, на столе, стояла пустая миска с ложкой, а напротив сидела супруга. Она закончила есть и взглянула на мужа. Она начала также с интересом рассматривать незаконченную поделку сына.

— Добрые ножны выйдут? — спросила она отца.

— Для ножа сойдут, а для того, что подлиннее будет, негоже. Тогда нужно камень точильный вместо дерева брать. — Отец семейства поднял взгляд на жену и заметил, что та хмурится. Проследив за ее взглядом, он заметил, что Лита, которая с двумя братьями-близнецами уплетала из одного горшка кашу, гремя деревянными ложками, зачем-то прячет в рукав хлеб.

— Ты почто хлеб со стола крадешь? — рявкнул отец на Литу, отвесив ей звонкого подзатыльника. Два брата-близнеца замерли, смотря на отца, не донеся ложку до рта.

— Не краду я, папка! Не краду, как на духу говорю! — тут же сквозь слезы затараторила девочка. — Я то для Песта беру! Он опосля заката воротиться обещал.

— На дело с Акилурой пошел? — спросил глава семейства девочку.

— С ней самой! А мне обещался шарик морозом заворожить, чтоб не растаял!

— Ежели он с Акилурой пошел, то правда, дело делать ушли. А ежели справится с делом, то не голодный воротится.

— Ты на шар взгляни, что Пест сворожил из миски с водицей колодезной! — сказала супруга и кивнула головой Лите. Та сорвалась и умчалась за печь, вернувшись с голубым шариком льда. Она протянула его отцу, и брови его поползли вверх.

— Ледяной! И не тает!.. — Отец вертел его в руках, нюхал, смотрел на свет и даже лизнул. — Вот тебе на!

— Пест сказал, что он не тает, потому что навороженный! Как ворожба в нем кончится, так и растает он, — пустилась в объяснения Лита. — Я у него спросила, может он ворожбы добавить, а он сказал, чтобы перед сном ему напомнила и еду сама у мамы просила!

— Ты братца своего ушами слушай! Не затылком! Он плохого не присоветует, хоть одно, что двенадцать зим, — снова рявкнул отец, не забыв про оплеуху. — Сказано тебе было к матери идти да еды ему просить, а не со стола хлеб в рукав тащить!

После этих слов братья переглянулись и синхронно отдали по куску хлеба. Они положили их на стол перед Литой. Оба встали из-за стола и облизали ложки, убрав за пазуху. Тот, что был справа, носил имя Дым. Он обратился к отцу:

— Спасибо, мать, за харчи и тебе, отче, за кров. Пойдем мы к Лыку-мастеру. Снасти привить надо да детвору по рыбу вести.

Отец кивнул, и близнецы вышли из дома.

— Мать, ты в миску Песту сгреби, что в котле осталось. В печи достоит до ночи? — спросил отец семейства супругу. Он взглянул в горшок, из которого ели дети, оценив оставшееся количество каши. Она в ответ кивнула и принялась перекладывать кашу. — Лита! Ежели я еще раз увижу аль от матери услышу, что хлеб со стола по рукавам таскаешь, — высеку! Высеку до третьей крови! На носу себе заруби!

Отец стукнул по столу кулаком, а Лита закивала, вжав голову в плечи.

— Коли надобно будет Песту что — ты к матери аль ко мне подойди и так мол и так скажи! Вразумила?

— Вразумила, папка...

Спустя несколько дней. Дом старости

За широким столом сидели десять мужиков и старуха Акилуря. Все они расположились с одной стороны, а Пест стоял перед ними посреди горницы. У входа в дом на лавке устроились несколько женщин. Среди них была и мать Песта.

В стороне от стола на лавке сидели еще несколько мужиков. Среди них был староста села Куприян и несколько глав родов из того же селения.

– Коли в сборе все, тогда будем совет держать! Вам как гостям слово первое, мужики! – Староста поднялся и обратился к огромным мужикам, сидящим по левую руку.

– Благодарствую за честь слова первого, и таково оно будет! – начал видный мужик с огромными кулаками, поднявшись над столом. – Трипон имя мое, род мой кузничий, а село мое Дорожичи. Зиму Пест у меня в учениках ходил, и я так скажу. Кузнец с него вышел средний. В науке старательный да упертый, но не чует он металла. Куда молотом сунуть, чтобы лучше да быстрее пошло, не чает, да рытвины с ракушками в заготовке не чует. Ежели метал хороший, а не железо болотное какое, то заготовок не портит и дело делает на совесть. Гвоздь, подкову да косу аль серп сковать может! Кузнец средней руки! Таково мое слово!

– Благодарствую за слово твое, Трипон-мастер! – Староста снова встал. – Каково твое слово, шкурный мастер?

– Благодарствую за честь такую и слово второе! – произнес второй широкоплечий мужик. – Звать меня Федотом, роду я молодого Шкурного, а село мое Дорожичи! Пест у меня в учениках не ходил, но раз в десятину дней я его забирал к себе у Триона-мастера. Учился Пест шкуру сымать по-правому да готовить ее под шубу, одежду какую аль суму справную. Сымал и с лисицы, и с медведя, и с кобылы да с коровы. Шкуру сымает и готовить ее ладно умеет! А вот с плетеньем шнурком себя не показал. Все узлы да косы с ухватами делает ладно, но своего узла аль косы связать не смог. Слово мое таково будет! Суму какую аль бурдюк под воду сшить может! Плетенье какое аль ухват с ремешков сплести тоже может. Потому быть ему шкурником руки средней!

– Благодарствую за слово твое, Федот-шкурник! Теперь наши мастера слово за Песта молвить будут!

Мужики вставали по очереди и рассказывали то, чему у них научился Пест и что не вышло у него. По всем выходило, что везде он преуспел, но нигде себя не проявил как талант. Дело дошло и до женщин, сидящих у входа на лавке. Они также вставали и рассказывали то, чему Пест у них научился. Опять же никто его не похвалил и мастером не назвал. Даже родная мать, говорившая за науку приготовления пищи, не назвала его мастером.

– Коль все слово свое сказали, то теперь мое слово будет! Не быть тебе, Пест, отроком рода Подова из села Ведичей, ибо не принадлежишь ты более роду своему. Посему начинать тебе новый род! Слово мое таким будет! Быть тебе Пестом из рода Среднего села Ведичей! Что скажете, главы родовы и вы, гости дорогие?

– По правде сие будет!

– Зело по правде!

– Правда это! Зело правда!

Мужики все как один соглашались с такой формулировкой. Такое положение не усиливало ни один род, но в то же время усиливало все селение Ведичей.

– Коли назвали мы тебя отроком, то быть по сему! Мужиком назовем, коли обучение кончиши в академии маговской да на землю родную воротишься! Пока же жить и спать ты будешь с родом Подовым. Любо? – громко спросил староста мужиков.

– Любо! – грохнули мужики одновременно.

– Коли с отрочеством обмолвились, то слово Акилурьи надобно!

Ведунья кряхтя встала, опираясь на стол обеими руками, и начала медленно говорить.

– Прежде чем слово молвить, надобно силу свою доказать главам родовым и гостям нашим! Посему яви огонь, Пест!

Пест вытянул руку вперед к старостам и сжал в кулак. После этого кулак вспыхнул огнем и горел, словно факел, двадцать секунд. После того как он погас, Пест разжал кулак и показал мужикам руку, на которой не было ожогов и даже мелкий прозрачный волос не опалило.

– Теперь силу земли яви!

Пест достал из мешочка на поясе речной песок в пригоршне и показал его мужикам. После этого он сжал кулак так, что побелели костяшки. Спустя десять секунд разжал кулак и положил на стол перед мужиками слепок кулака из мутного серого стекла. Мужики передавали друг другу кусок холодного стекла и тихо переговаривались между собой. Акилуре же не обратила на них внимания и скомандовала Песту:

– Теперь силу водицы покажи!

Пест взял бурдюк с водой, который ему подала одна из женщин. Он откупорил горлышко и начал одной рукой лить воду себе во вторую руку. Вторую руку он держал ладонью вверх, слегка согнув пальцы, словно птичью лапу. Вода не пролилась на пол, а стекалась сразу в шар между его пальцами. Перестав лить воду, он отдал женщине бурдюк. После этого поднес шар к лицу и, вытянув губы, принял на него дуть. Спустя пять секунд перед ним уже был ледяной шар. Он расслабил пальцы, и шар с глухим стуком упал на пол. Пест поднял его и положил на стол, перед мужиками. Шар тут же пошел по рукам мужиков, а в доме опять повис гомон мужицких голосов.

– Ну, и воздух яви, чтоб уж сомнений не было!

Пест кивнул и на несколько секунд замер. Затем резко топнул ногой, от чего во все стороны прошлась волна ветра. Ветер всколыхнул свет масляных ламп, но ни одна не погасла.

– Все вы видели, что Пест огню, земле, воде и ветру наказывать может! – Начала каркающим словом подводить итог Акилуре. – Свету и тьме я его не учила, главы родовы, потому, что сие на родову летопись прямой указ. Каждый ведун должен сам выбрать, какой дорогой ему идти! По сему делу мое слово будет таково! Пест в учениках у меня семь зим, и за него скажу так! Стихиями он владеет, но заклинания творить не умеет. То не его вина, ибо моих знаний на такое не хватает и не мне его тому учить! Врачевать он умеет и тому свидетель есть! Федот-шкурник тому свидетель! Двойню роженице помог родить и при том двойня живая, мать их жива да на здоровье на жалуется! С духами ладит славно! Кого надо припугнет, а кого и подкупит. Силой своей перед ними не кичится и ведет себя кротко, но в обиду себя не дает. Обучила я его всему, что ему не вред будет, посему слово мое таково! Быть тебе, отрок Пест, из рода Среднего из села Ведичей ведуном! Слово мое таково! Пест-ведун! – Акилуре стукнула клюкой об пол. Звук вышел неестественно громкий и звонкий.

– Вона как! Может, и зря я слово молвил, за род твой? – Почесал голову староста. – Коли повелось так, то слово не воробей! Слово свое держать надобно! Так вразумею, главы родовы?

Мужики закивали и одобрительно загудели.

– Посему слово дано, и с тебя спрос, Пест из рода Среднего! Пойдешь ли ты в град Вивек в мажью академию учиться магом быть? – подчеркнуто торжественно спросил староста отрока.

– Что хочешь за то? – спросил новоявленный мальчик-ведун.

– За то, что мы всем миром деньгу немалую на то собираем, быть тебе магом наместным среди вольных сел Ведичей, Куприян и Дорожичей!

– Что даешь за то?

– А что попросишь ты за дело это?

Пест замолчал секунд на десять и перевел взгляд со старосты на Акилуре.

– За то хочу я ответ. Как Акилуре в селе нашем появилась!

Мужики из Ведичей переглянулись, и староста взял слово.

– Быть по сему! Торг?

– Торг! – ответил староста и встал. К нему подошел Пест. Они оба плонули на руки и пожали их.

– Бабы с дому выйдите да детвору из-под окон гоните! – скомандовал староста. Женщины, не проронив ни слова, вышли из дома. Только сейчас взглянув в окно Пест заметил лицо Литы, которое подпрыгивало. Лита была еще маленького роста, и ей было не видно в окно, что происходит в доме.

– Главы родовы, что тут сидят, знают слово то, а другим знать не надобно! Вышло так семь колен назад, что оборвался род ведунов в селе нашем, – начал староста рассказ. – Испокон веков в селе нашем ведуны да ведуны жили и село наше да соседние от напасти берегли. Как крайний ведун единому душу отдал, уж и не помнит никто, но то, что не по своей воле – храним мы знание свято. В следующий год напасть за напастю шла и люд в селе выкосило. С пяти десятков дворов печь дымила только в двадцати. Собрали мы тогда выкуп из того, что могли. Весь инструмент да припас, что могли на торжище повезли. Не обошлось и без дани детворой. Тут уж грех таить, ибо то слово о нашем селе. На торжище, распродав все, начали искать мы ведуна себе, а на худой конец знахарку – травницу какую. Отвернулся тогда от нас единий и уж ни с чем воротиться собрались, да привезли на торжище ведьму злую! До того она народ мучила, до того губила! На костре посреди торжища спалить решили! Вот на том костре и увидал староста тогдашний ту ведьму. Ведьма взмолилась и старосте давай в верности кляться. Туго старосте было в то время. Сам понимать должен. На торжище он и свое дите привез. Нечем кормить его было. Голову землицей, значится, он посыпал и выкупил ту ведьму. Все деньги, что были, отдал да троих дворовых ребёёнков. Ведьма же даром своим поклялась, что село и соседей оберегать будет и род примет Ведичей. Ни прямо, ни духом, ни словом во вред роду своему не сделает и покою ей не будет, пока себе смену не взрастит.

Староста умолк и взглянул на Акилуре. Та кивнула ему в ответ.

– Ведьму ту, что на крови клялась, звали Акилурой. – Староста смотрел прямо в расшившиеся глаза Песта. – Так и живет она в селе нашем уж семь колен.

– Ты, Пестушка, внимательно посмотри на меня! Моя сторона темная. – Акилуре нагнулась вперед, и Пест увидел в ее глазах черные провалы вместо белых буркал. – Не была я ведуньей никогда. Ведьма я, Пестушка. Нагуляла я по молодости так, что до сих пор аукается. Сколько раз за мной смерть костлявая приходила, а не забрала. Каждый раз меня, писаную красавицу, корежило! На пятом колене я и рада была, чтоб забрала меня костлявая, а клятва не давала! Пять сотен лет или семь колен тутовых я долг живота роду старосты отдаю, а конца и края не видать. На роду написано той клятвой мне, что пока наследника не воспитаю, не видать мне той стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.